

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Галина РОМАНОВА

ВЫБОР
НАСЛЕДНИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Галина Львовна Романова
Выбор наследника
Серия «Мир «Золотой Ветви»», книга 7

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2594925
Выбор наследника: АЛЬФА-КНИГА; М.; 2011
ISBN 978-5-9922-0969-3

Аннотация

Выбор есть всегда – поступить так, как велит долг, или довериться зову сердца, принять свою судьбу либо следовать собственным путем, рискнуть открыть сердце для дружбы и любви или предпочесть ставшее привычным одиночество... Можно подчиняться, а можно бунтовать. Вот и наследник Наместника Калливары Аметистового Карадор Шутник сделал свой выбор – не подозревая, что кое-кто лелеет в отношении его свои собственные планы...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	43
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Галина Романова

Выбор наследника

Пролог

Вид массивного бледнокожего эльфа мог вогнать в дрожь кого угодно – не каждый способен сохранить спокойствие, встретившись с таким существом на узкой дорожке. Одни резкие черты лица чего стоили! Но сейчас в этом создании не было ничего угрожающего – эльф понуро сидел на слишком низком для его большого тела стульчике, свесив ладони между колен, а черты лица его были скрыты от посторонних глаз чем-то вроде маски. Для всех это был молодой мужчина, правда не такой утонченно-красивый, как большинство его ровесников.

– П-прошу вас, хозяин, – с трудом выговорил он, осторожно подбирая слова, – отпустите меня!

Тот, к кому обращался мужчина, – тоже эльф, солидный возраст которого выдавали усталые морщинки вокруг глаз, – усмехнулся и развел руками:

– Иди! Не держу!

– Вы п-прекрасно знаете, что я не могу уйти! – Сидящий вскинул голову. Злость вспыхнула в глубине его красных глаз.

– Тогда к чему весь этот разговор? – Хозяин снова отвернулся к окну, посмотрел на раскинувшийся внизу парк.

– П-просто я хочу...

– У тебя есть куда пойти? – перебил его пожилой эльф. – Есть те, кто тебя ждут? Помнят? Есть кто-то в мире, кто рад тебя видеть? Ты хотя бы представляешь, чем будешь заниматься и где жить? У тебя вообще есть хоть что-то свое? Что-то, чего не дал тебе я?

Взгляд, который сидевший бросил из-под ресниц на своего собеседника, трудно было назвать дружелюбным. Счастье стоявшего у окна, что в этот момент он оказался к собеседнику спиной. Одна рука молодого поползла к поясу, где висел кинжал в серебряных ножнах.

– Это оружие не причинит мне вреда, – спокойно, не отводя взгляда от парка, промолвил пожилой эльф. – Оно тоже принадлежит мне...

Вспыхнув, его собеседник вскочил. И без того бледное лицо совсем побелело и перекошилось от ярости.

– В т-таком случае, – слегка заикаясь, выдавил он, – за-забирайте все с-свое!

Распустив пояс, на котором висела перевязь с кинжалом, молодой швырнул его на пол и с такой яростью рванул многочисленные серебряные застёжки на колете, что некоторые оторвались и покатались по полу.

Пожилой эльф обернулся на треск и быстро шагнул, ловя молодого за руки. Несмотря на преклонный возраст, сила у него еще была. Крепко схватил взбешенного собеседника за запястья, пытаясь остановить.

– погоди, погоди, Фро, – заговорил он голосом доброго дядюшки, увещевающего беспутного племянника, – я же не знал, что для тебя это так серьезно!

Некоторое время они боролись – Фро пытался освободить запястья, а его собеседник прочно удерживал его кисти на равном расстоянии и от наполовину растянутого колета, и от своего горла. Жуткое существо, скрывающееся под маской эльфа, могло одним ударом проломить каменную стену, но почему-то у него не хватало сил для того, чтобы одолеть своего противника. Постепенно рывки стали слабеть.

– Вот так, успокойся. – Слегка встряхнув его, старший эльф заставил Фро сесть обратно. – И запомни – твои вспышки гнева ни к чему не приведут. Ты добьешься разве того, что ухудшишь свое положение. Не забывай, кто ты!

Фро проворчал что-то вроде: «Я этого и так не забываю», но его замечание осталось без ответа.

– Впрочем, у тебя есть шанс исполнить свое желание и обрести столь нужную тебе свободу и... э-э... собственность! – с легкой усмешкой произнес старший, отступая на шаг. – Ты должен сделать кое-что еще... Это последнее задание! – воскликнул он, заметив, с каким выражением лица вскинул на него глаза Фро. – Потом получишь заслуженную награду...

Эльф сделал паузу и погладил висящий на боку кошелек. Его собеседник взглядом хищной птицы проследил за этим жестом.

– Свою жизнь...

Оставшись один, старший опять отвернулся к окну и стал смотреть на парк. Нет, в сказанных словах не было ни слова лжи – если дело выгорит, в результате он получит то, что стоит всех потраченных усилий. И тогда действительно можно будет избавиться от слуги тем или иным способом.

Глава 1

Вопреки расхожему мнению далеко не все эльфы наделены от природы музыкальным слухом и нежным голосом, и Лаотор был живым подтверждением этого. Голос его, негромкий, ровный, не предназначался для пения – в нем не было глубины и силы. Подпевать в хоре – еще куда ни шло, но петь серенады под окном предмета своей страсти таким голосом точно не рекомендуется. Дева, конечно, не заткнет уши с мученическим выражением лица, но и внимания на раздающиеся снаружи звуки тоже не обратит.

Но старый учитель музыки знал свое дело. Уже который месяц он занимался с единственным учеником, забросив все прочие дела, и утверждал, что с некоторых пор кое-что начало получаться.

Они сидели в парке на скамейке в окружении раскидистых кустов усыпанной зреющими плодами калины, и учитель смотрел, как его ученик старательно берет аккорды на лютне.

– Вот этим пальцем извольте прижать струну сильнее, – увещевал он. – Чувствуете, что звук становится другим?

Лаотор нажал на деку изо всех сил, ударил медиатором по струнам и поднял на учителя взгляд:

– Так?

Пожилой эльф с длинными, чуть ли не до пояса, распущенными волосами, в мешковатой тунике свободного покроя (будучи артистом, он мог позволить себе выглядеть экстравагантно) пожал плечами:

– А сами-то вы чувствуете, мой лорд?

– Ну... – Лаотор напрягся. Для него в этих звуках не было разницы.

– Ничего, – пожилой учитель улыбнулся, – будем пробовать, пока не получится!

Лаотор застонал. Он действительно хотел научиться играть на лютне, но искренне не понимал, чего еще надо учителю. Ведь три основных аккорда уже усвоил, даже не три, а целых семь! И мог сыграть несколько мелодий. Надо было лишь выучить наизусть десяток самых распространенных и модных любовных песен и баллад, а не заниматься который день подряд одним и тем же звуком, доводя его до совершенства!

За брэнчанием лютни они не услышали негромкие плавные шаги и даже вздрогнули, когда неслышно подошедший эльф с улыбкой произнес:

– Ах, вот вы где!

– Отец! – Лаотор вскочил, откладывая надоевший инструмент. Учитель тоже поднялся, отвечивая изящный, словно танцевальное па, поклон. Длинные волосы его мазнули по гравийной дорожке.

– Я шел на звуки музыки, – пояснил отец Лаотора. – Ну, мастер Неар, каковы успехи моего сына?

Лютнист вздохнул и почтительно произнес.

– Юноша делает успехи, высокий лорд Лоредар. Мы разучивали новый аккорд...

– Вот как? – Лорд уселся на оставленную скамью, положил ногу на ногу и обхватил колено пальцами. – Сыграйте мне что-нибудь, а я послушаю!

Взгляд, которым обменялись учитель и ученик, можно было истолковать как угодно, только не как радость от возможности блеснуть своими талантами. Все-таки, не желая спорить с родителем, Лаотор поудобнее взял лютню, примерился, устанавливая пальцы на грифе, и ударил по струнам.

Лицо мастера Неара окаменело. Его ученик правильно ставил пальцы, пытаясь прижать струны к грифу, но вот соразмерить силу и глубину звука ему не было дано – вместо

нужных аккордов получались какие-то хрипы, почти не имеющие ничего общего с положенным. Он просто не слышал, где фальшивит, убежденный в том, что играет правильно. Проще говоря, его правая рука не знала о том, чем занята левая. Это хорошо в бою с двумя и более противниками, когда в одной руке – меч, а в другой – кривая сабля, но никак не при игре на лютне.

Все-таки Лаотор доиграл, а оба старших эльфа дослушали до конца нехитрую мелодию, одну из немногих, которые юноша выучил в числе первых.

– На сегодня достаточно, – решительно оборвал лорд Лоредар, вставая и небрежным жестом расправляя складки своего одеяния. – Я шел за тобой, сын мой. Прощайся со своим учителем и живо переодеваться – нас ждет лорд Наместник!

Радостное выражение на лице его сына вряд ли можно было списать только на облегчение от завершившегося урока.

Леди Каллирель уже долгое время пребывала в тоскливо-отрешенном состоянии духа, и во дворце Наместника с каждым днем все больше крепили слухи, что наследница Наместника больна. Когда-то, тридцать пять лет назад, когда юная девушка с испуганными глазами появилась тут, все были уверены, что ее ждет долгая и счастливая жизнь. Но леди наследница стала чахнуть на глазах. Она могла сутки напролет не выходить из своих покоев, отказывалась от самых изысканных яств, не пользовалась украшениями и косметикой, даже не смотрела в сторону роскошных нарядов, мимо ушей пропускала обращенные к ней слова, вздрагивала от страха, если кто-то подходил к ней с вопросом. Даже сопровождавший ее на Архипелаг личный врач, человек по имени Дар, долгое время не мог распознать симптомы болезни, ибо люди ею не болеют. Считается, что от нее нет лекарства, и заболевший рано или поздно умирает, несмотря на самый лучший уход.

Но Дар-целитель как-то сумел остановить болезнь, дав девушке цель в жизни и избавив ее от страхов. Результатом стало рождение ребенка – сына леди Каллирель и ее лечащего врача, полукровка, унаследовавшего от своего отца кроме темного цвета волос и глаз еще и способности к целительной магии.

Испугавшись мести лорда Наместника, Дар-целитель бежал с Радужного Архипелага и несколько лет скрывался, твердо убежденный в том, что за такое обращение с пациенткой его по голове не погладят. Наместник Калливар в самом деле какое-то время пребывал в гневе, рвал и метал, грозился растереть не оправдавшего доверия врача в порошок. Но вид хорошеющей на глазах, выздоровевшей дочери и, самое главное, крепенького и весьма энергичного внука полностью изменил его мнение. Он пустился на поиски врача, дабы женить его на своей дочери и обеспечить леди наследнице нормальную семью.

Однако вскоре выяснилось, что опоздал – перебравшийся в земли людей Дар-целитель успел встретить там человеческую девушку и женился на ней, наотрез отказавшись расторгать брак и становиться мужем леди Каллирель. Наместник попытался воздействовать на него с помощью магии – безрезультатно. Его собственный племянник, Карадор, сын его рано умершего старшего брата, восстал против дяди и помог Дару-целителю бежать.

Наместник и его дочь вернулись на Радужный Архипелаг ни с чем. Очень скоро леди Каллирель вышла замуж за одного из советников своего отца и через положенный природой срок родила ему дочь.

Разразившаяся несколько лет спустя война с орками за Золотую Ветвь (вернее, новый виток в долгом противостоянии) нарушила ее семейное счастье. Когда армии орков подступили к границам Аметистового Острова и вторглись на его территорию, супруг леди Каллирель собрал ополчение и ринулся на врага. Но его лошадь получила арбалетный болт в шею и была убита еще на полпути до вставших стеной пеших темноволосых воинов. Она упала, рыцарь рухнул с коня и при падении сломал себе шею, так и не успев поучаствовать в боях.

Поскольку со дня заключения брака именно погибший считался наследником Наместника, лорд Карадор отказался возглавить второе ополчение, заявил, что не станет губить эльфов в бессмысленной войне и готов присягнуть на верность императору орков, если это спасет многие невинные жизни. Не иначе Карадор сказал так в надежде, что орк именно ему вручит венец Наместников, благодаря за верность, но Наместник Калливар решил иначе. Он в срочном порядке выслал племянника с Острова, приказав попутно доставить в земли людей и внука Келлегора – дабы тот отныне воспитывался и рос в безопасности под присмотром своего отца-человека, который был главным придворным врачом королевской династии Великой Паннории.

Война не тронула Аметистовый Остров, вернее, прошла по самому его краю, так что большинство замков и поместий остались целыми и невредимыми. Количество убитых, раненых и взятых в плен не шло ни в какое сравнение с числом пострадавших на Коралловом Острове, где, по самым скромным подсчетам, погиб или попал в плен каждый третий. После того как сам Наместник Наринар Янтарный, старейший в Совете Наместников эльф, присягнул на верность императору Хауку Первому, остальные его коллеги были просто вынуждены сделать то же самое. Одни, как лорды Шандиар Изумрудный и Эльдар Нефритовый, сделали это добровольно, другие – под давлением обстоятельств. Нашлись и такие, кому было просто все равно.

Леди Каллирель относилась к числу последних. По закону, принятому еще во времена великих королей древности, женщина сама не могла наследовать власть, но приносила ее в качестве приданого своему супругу. Короче говоря, брак с наследницей делал и ее мужа наследником, что вело к смене правящей династии. Лишь недавно этот закон был изменен императором Хауком – после случившегося некоторое время назад мятежа. Тогда несколько лордов и леди Наместников объединились и решили свергнуть императора-орка, посадив вместо него дальнего родственника древних королей. Случайность помешала заговорщикам довести дело до конца – заговор был раскрыт. Стоявший за ним Орден Видящих ликвидировали, а группа заговорщиков распалась. Лорд Эльгидар Нефритовый был убит, погибла леди Свирель Коралловая, добивавшаяся заодно и пересмотра порядка наследования на своем Острове, а лорд Отрандир Обсидиановый испугался последствий и сам сдался на милость императора, заодно раскрыв всю подноготную заговора и выдав остальных его участников.

Император Хаук поступил достаточно милосердно – он всего-навсего лишил лорда Отрандира звания Наместника, утвердив в должности Наместницы его дочь, леди Отрирель Обсидиановую. По закону девушка должна была принести венец Наместников своему новому мужу, но леди Отрирель заявила, что не станет связывать себя узами брака никогда и ни с кем. От своего первого супруга, лорда Эльгидара, она понесла ребенка и после рождения сына объявила наследником именно его, став при этом полноправной Наместницей.

Леди Каллирель могла бы поступить точно так же – добиться, чтобы после отца Наместницей объявили именно ее, – но не хотела. Ибо, во-первых, у нее не было рожденного в законном браке сына, а в отличие от снежных эльфов у их южных сородичей дочь дочери не являлась наследницей. А во-вторых, где-то еще жил и здравствовал кузен леди Каллирель – лорд Карадор по прозвищу Шутник. Еще с детства юноша выказал неугомонный живой нрав, прославился как любитель шуток и розыгрышей. Некоторые даже вздохнули свободно, когда Наместник Калливар выслал племянника с Острова, запретив ему появляться на территории Радужного Архипелага. Кроме того, Каллирель сама не хотела что-либо предпринимать. Она просто плыла по течению жизни, все больше уходя в себя. Лишь маленькая дочь, требовавшая внимания и материнской заботы, как-то удерживала ее в сознании, но всем и каждому уже было ясно – болезнь прогрессирует и скоро одержит победу.

Большую часть времени леди Каллирель сидела сложа руки то у окна в своих покоях, то на скамейке в парке, рассеянно слушала болтовню девушек, шутки пажей, чтиц-деклама-

торш или музыкантов. Она не танцевала, отказывая приглашавшим ее лордам, не пела, не играла в фанты, почти не занималась рукоделием или составлением букетов. Все, на что ее хватало, – это проявление слабого интереса, когда к ней с каким-то вопросом обращалась дочь.

Сейчас девочка бегала по большой поляне между круглыми клумбами за пестрыми бабочками, смеясь так звонко, что три пажа и еще одна девчушка не могли ее перекричать. Мать второй девочки и несколько девушек присматривали за детьми, а леди Каллирель сидела в одиночестве, следя за дочерью взглядом. Не то чтобы она боялась, что девочка споткнется, просто это уже стало привычкой.

Эльфийка не услышала осторожных шагов и даже вздрогнула от звуков голоса:

– Рад видеть вас, леди Каллирель!

– Да, – помолчав, промолвила она. – Да...

Какое-то время ее собеседник переминался с ноги на ногу, ожидая, пока на него обратят внимание.

– Сегодня чудесная погода, – попытался он найти тему для разговора.

– Да, – тем же тоном отозвалась леди.

– Ваша дочь – настоящая красавица! – предпринял собеседник вторую попытку завязать разговор. – И так похожа на вас...

– Да, – послышалось в ответ.

– Миледи, – помолчав, тихо воскликнул гость, – вы не рады меня видеть?

– Нет, – ровным голосом отозвалась она, не отрывая взгляда от бегущей туда-сюда дочки.

Ее собеседник испустил тяжкий вздох, но остался стоять на месте, рассматривая профиль леди Каллирель.

Бабочка наконец была поймана, и девчушка со всех ног бросилась к матери, чтобы показать пленницу.

– Мама, мама, ты только посмотри! – издали закричала она, неся насекомое в сложенных лодочкой ладошках. – Какая красавица!

Лицо леди Каллирель оживилось, она подалась вперед, навстречу ребенку.

– Это действительно прекрасно, моя милая, – произнесла она наигранно-веселым тоном, глядя на дочь. – Какие крылышки...

Девочка остановилась перед матерью, гордо демонстрируя свой трофей. Бабочка скреблась в ее ладошках, стремилась вылезти на волю.

– Мама, а давай она будет жить у нас? Я назову ее Красоткой! Правда, здорово?

– Нет, моя милая, – леди Каллирель погладила дочь по голове, – ей у нас будет скучно. Давай ее отпустим?

– Она полетит к своим деткам, маленьким бабочатам? – прозорливо предположил ребенок. – Они без нее будут плакать?

– Да, милая. Деткам будет плохо без мамы. – Склонив голову набок, леди Каллирель внимательно смотрела на дочь.

– Тогда лети! – Та раскрыла руки, перепачканные пылью, и бабочка сорвалась в воздух. – Лети к своим малышам! Скорее! А то они там одни...

– Ах ты, моя умница! – Леди Каллирель обняла дочь, прижала ее к себе. Девочка, вывернув шею, попыталась отыскать бабочку глазами.

– Мама, она не летит к своим деткам! – воскликнул наблюдательный ребенок. – Почему?

– Наверное, ей сначала надо принести им покушать... ты есть не хочешь?

– Не-а, – помотала головой девочка.

– Нет так нет, – вздохнула Каллирель.

- Но миледи, детям пора обедать! – всплеснула руками придворная дама.
- Хорошо, – кивнула молодая женщина. – Тогда отведите детей в столовую!
- Да, госпожа.

Подозвав к остальным свою дочь и трех пажей, придворная дама поспешила к замку. Половина девушек последовала за ними, но некоторые остались.

– А вы не хотите обедать? – поинтересовалась одна из фрейлин.

– Нет. – Проводив взглядом дочь, леди Каллирель опять сложила руки на коленях, глядя прямо перед собой. Ее собеседник неуверенно топтался рядом.

Эту сцену наблюдал из окна своего кабинета лорд Наместник Калливар Аметистовый.

Свою единственную дочь Наместник любил слепой отцовской любовью, прощая Каллирель многие недостатки и не желая замечать то, что другим бросалось в глаза. В свое время он сильно переживал потерю ее матери, которая во время одной из локальных войн с орками решила навестить супруга в армии, чтобы сообщить о наступлении долгожданной беременности. Уже на обратном пути леди Наместница попала к оркам в плен и была продана куда-то в земли людей. Наместник Калливар рвал и метал, предпринимал отчаянные попытки найти жену. Отец как раз в то время и передал ему бразды правления, поскольку того внезапно свалила *болезнь*. Прежний Наместник, действительно угасший буквально на глазах, говорил о каком-то проклятии, тяготеющем надо всех их родом. В самом деле, семью буквально преследовали несчастья. Сначала у его собственного отца погибли в один день сестра, маленькая дочь и племянник, а сын-наследник чудом остался в живых, потом он сам пережил двух жен, умерших при родах, в один страшный день трагически погиб его старший сын, затем жены и ребенка лишился младший...

Калливар тогда волей-неволей прислушался к словам родителя, но выбросил все тревожные мысли из головы, когда получил назад свою дочь, Каллирель. И был практически счастлив...

До недавнего времени.

Овдовев, Каллирель начала чахнуть. Она постепенно уходила в себя, никак не реагировала на попытки ее расшевелить. В отчаянии Наместник принял решение, которое долгое время гнал от себя, – написал в Паннорию к своему несостоявшемуся зятю, Дару-целителю, чтобы тот приехал и помог ему спасти дочь – ведь у них был общий ребенок. Несмотря на то что в пересчете на человеческие годы Келлегору было тридцать три, по эльфийским меркам он оставался совсем ребенком. И выглядел как подросток не старше пятнадцати лет – сказало влияние отца-человека, ибо полукровки взрослеют раньше своих чистокровных братьев-сестер.

Однако на письмо, написанное почти полгода назад, до сих пор не было ответа. А сегодня утром доставили пакет, при одном взгляде на который у Наместника испортилось настроение.

Послание было от самого императора Хаука.

«Настоящим приказываем Наместнику Калливару Аметистовому как можно скорее прибыть в Цитадель и представить нам своего наследника лорда Карадора Аметистового или же предъявить весомые доказательства его смерти. В этом случае император сам назначит нового наследника из числа ближайшей родни».

Вот так. Всего несколько слов, но какими тяжелыми они были!

Своего племянника лорд Калливар не то чтобы не любил – ревновал к памяти брата. Ведь долгое время сам Калливар и его жена не могли иметь детей, и сирота-племянник должен был стать наследником. Исчезновение жены, годы бесплодных поисков и, наконец, возвращение – но не желанного сына, а дочери – еще больше подточили характер Наместника. Власть уплывала от него в руки беспутного родственника.

Каким спасением мог бы стать брак Каллирель! Но Дар-целитель отказался брать в жены эльфийскую деву, а второе замужество принесло его дочери лишь раннее вдовство и опять-таки дочь, которая никак не могла стать наследницей. Эх, если бы Келлегор не был полукровкой, да еще с магическими способностями! Правда, после разгрома Ордена Видящих отношение к мужчинам, наделенным волшебной силой, стало меняться, но все равно большинство эльфов пока глядели на магов с предубеждением. Лорд Калливар консультировался с Хозяйкой Аметистового Острова – одной из немногих Видящих, после роспуска Ордена оставшихся на своих постах, – и она сказала, что целительная магия относилась к магии Жизни-Смерти, то есть к ордену Йови-Тало, а там рядом стоит некромантия... В общем, Совет Наместников никогда не проголосует за то, чтобы с ними вместе заседал некромант. Правда, после недавнего случая, когда император своей волей поставил Наместником на Коралловом Острове незнатного эльфа, оказавшегося бывшим любовником покойной леди Наместницы и настоящим отцом ее ребенка, стало ясно, что Совет теперь ничего не решает.

Лорд Калливар посмотрел в окно. Каллирель все сидела на скамейке, сложив руки на коленях, и явно не слушала, что ей пытается рассказывать топчущийся рядом молодой эльф. Лаотор лорд Калливар прекрасно знал – уже не первый раз он оказывал его дочери знаки внимания. Подходящая партия для нового замужества! Но беда в том, что Каллирель никак не реагировала на попытки расшевелить ее. А сам отец слишком любил дочь, чтобы тащить под венец силой.

Негромко скрипнула дверь. Не оборачиваясь, лорд угадал вошедшего – весьма и весьма немногие имели право входить в его рабочий кабинет, не постучавшись и не беспокоя слуг предварительным докладом о своей персоне. Тем более что маячивший внизу Лаотор как бы предупредил о его визите заранее.

– Доброго вам дня, великолепный лорд Наместник! – несколько церемонно промолвил вошедший.

– И вам тоже, высокий лорд Лоредар, – кивнул тот, поднимаясь с места. – Чем обязан вашему визиту?

– А разве недостаточно моего желания помогать в управлении Островом? Кроме того, кто даст вам советы в решении проблем?

Лорд Лоредар являлся одним из советников прежнего Наместника и остался на своем посту, когда венец получил сам Калливар. Он был одним из старейших эльфов в поместье. Про него ходили слухи, что его отец состоял в каком-то из старых магических орденов. Якобы даже успел получить звание адепта¹ прежде, чем по приказу короля Торандира Последнего все ордены, кроме Ордена Видящих, прекратили свое существование. Так это было или нет, но дочь лорда Лоредара действительно стала Видящей, а всем известно, что магические способности часто передаются по наследству. Впрочем, ни за самим советником, ни за его сыном никаких особых способностей не замечалось.

– Увы, – Наместник бросил взгляд в окно, – есть одна проблема, помочь в решении которой вы не в состоянии.

Советник подошел и тоже посмотрел вниз. Сын советника и дочь Наместника стояли рядом. Молодая женщина поднялась со скамеечки, но даже отсюда было видно, что ей скучно и хочется уйти, и лишь равнодушие и апатия не дают сделать решительный шаг.

– Леди наследница... мой сын не оставляет попыток добиться ее расположения...

¹ В древности существовало несколько магических орденов – орден Меана-Огня, орден Йови-Тало, Жизни-Смерти, орден Бора-Земли, Лар-Воды и Ша-Ветра. В каждом была своя иерархия. Но чаще всего адептом называли молодого мага, только что сдавшего «выпускные» экзамены и из разряда учеников шагнувшего на следующую ступень. – *Здесь и далее примеч. авт.*

– Увы, никто не может добиться от нее ничего, – вздохнул отец. – Я испробовал все средства.

– Успокойтесь, милорд. Надежда есть. Ваша дочь пока не потеряла полностью интереса к жизни. Обязательно найдется что-то, что разбудит ее!

Наместник Калливар вздрогнул. Финал *болезни* всегда был один и тот же – заболевший эльф однажды засыпал и больше не просыпался. Иногда последний сон наступал где-нибудь вдалеке от дома, не в своей постели. Бывало также, что некоторые в такие минуты нарочно уходили подальше, забивались в такие закоулки, куда при нормальной жизни даже не посмотрели бы. Тело его отца, например, обнаружили только на двенадцатые сутки, совершенно случайно, в заброшенной часовне, куда никто не заходил уже много лет. Собственно, покойный Наместник был единственным, кто ее посещал. И после смерти отца под старые своды тоже практически никто не заглядывал.

– Я бы все отдал ради того, чтобы моя девочка очнулась, – прошептал лорд Калливар.

Взгляд его невольно упал на пергамент, подписанный лично императором. Советник Лоредар проследил за взглядом:

– Что это?

– Послание. Доставили буквально несколько часов назад, лорд.

Испросив взглядом разрешения, лорд Лоредар пробежал глазами пергамент.

– Я видеть его не могу, – промолвил Наместник, имея в виду племянника. – Он трус и предатель родины! И если я после всего, что он сделал, соглашусь на...

– То признаете, что прав был он, – понимающе кивнул советник. – Вы этого не хотите!

– Читаете мои мысли, советник, – вздохнул лорд Калливар. – Но проблема в том, что я все равно должен предъявить наследника! Должен хотя бы потому, что у меня его нет!

– У вас есть дочь. – Лорд Лоредар кивнул на окно. – Она ваша наследница. Ее супруг...

– Я не буду принуждать Каллирель, – упрямо покачал головой отец. – А она сама...

Лорд помолчал, пытаясь сдержать свои чувства.

– Что мне делать, советник?

Лоредар был старше Каллиреля, хотя для постороннего, тем более человеческого глаза они казались ровесниками. И сейчас старший эльф осторожно коснулся локтя младшего:

– Разрешите дать вам совет, Наместник? Выдайте вашу дочь замуж за моего сына...

– Каллирель никогда не согласится, – покачал головой тот. – Я уже сказал, что не буду принуждать дочь к браку...

– Но если Карадора не станет, вам придется это сделать – или смириться с выбором императора, когда тот назначит нового Наместника. Вспомните, как он распорядился судьбой Кораллового Острова! Вы хотите повторения прецедента?

Наместника Аметистового передернуло: не так давно, буквально пару лет назад, император Хаук весьма радикально решил подобный вопрос. Традиция предписывала устраивать открытые турниры в случае, если не остается прямых наследников власти, но император весьма ловко обошел этот вопрос. В результате венец Наместников получил бывший гладиатор, представитель одного из простых родов откуда-то с окраины Острова.

– Что значит «если не станет Карадора»? – поинтересовался лорд Калливар.

– Если я правильно понял письмо, – советник взмахнул пергаментом, – вам предписывают либо предъявить императору вашего племянника, либо предоставить доказательства его смерти. Я спрашиваю: что будет, если вы получите доказательства смерти Карадора Шутника? Вы отдадите свою дочь замуж за моего сына?

Взгляд, которым Наместник наградил своего советника, был красноречивее всяких слов.

– Конечно, никто не снимает венца с вас, великолепный лорд, – улыбнулся тот. – И вы всегда сможете издать указ, гласящий, что вашим преемником станет не мой сын, а ваш внук, рожденный Каллирель.

– Вы предлагаете мне убить моего племянника? – помолчав, промолвил лорд Калливар.

– Никто не говорит об убийстве! Просто у меня на примете есть кое-кто, кто сможет раздобыть доказательства его смерти, – тонко улыбнулся советник. – Согласитесь, это звучит более... приемлемо!

Лорд Калливар опять посмотрел в окно. Каллирель все стояла на краю лужайки, явно не зная, что делать. Она даже не вздрогнула, когда Лаотор сделал шаг и робко взял ее безвольно опущенную руку. Безучастная ко всему молодая женщина никак не отреагировала на то, что он стал нежно целовать ее пальцы.

– Хорошо, – внезапно решился Наместник. – Добудьте мне доказательства смерти Карадора – и мы поговорим о свадьбе!

Печальное лицо сына не укрылось от внимания отца, и лорд Лоредар осторожно поинтересовался:

– Что случилось? Тебе не удалось поговорить с леди Каллирель?

– Удалось, но, – вздохнул тот, невольно бросив взгляд через плечо, – она опять осталась равнодушна к моим словам!

– Ничего, сын мой! Скоро все изменится!

– Вы уверены, отец?

– Более чем! Надеюсь, не пройдет и года, как она станет твоей невестой, а потом и женой!

– Лорд Калливар дал согласие на наш брак? – Юноша так и подпрыгнул в седле.

– Тш-ш, – его отец предостерегающе взмахнул рукой, – не кричи так громко, иначе спугнешь удачу!

Оба невольно оглянулись по сторонам.

До замка советника было не так уж далеко, но по традиции знатные эльфы почти не ходили пешком в гости. Тем более что большая часть поместья-столицы Аметистового Острова представляла собой запущенный парк. Вековые деревья смыкали кроны над густыми зарослями кустарника и молодой поросли. Лишь кое-где садовники следили за тем, чтобы не зарастали аллеи, и сухостой не слишком загораживал посыпанные цветным гравием тропинки. Если бы не редкие поляны, на которых были разбиты клумбы, не аллеи и не эти дорожки, легко можно было бы поверить, что вы оказались в настоящем диком лесу. Кроме того, время от времени среди деревьев попадались беседки и небольшие павильончики, а на полянах стояли статуи.

Отец и сын ехали по гравийной дорожке, пролегавшей по липовой аллее. Липы только начали цвести, и медовый запах пока еще не дурманил головы.

В конце дорожка раздваивалась – одна ее половина уходила в лес, а другая ныряла в продолжение аллеи, где вперемешку с липами стояли тополя. На перекрестке виднелась статуя – совершенно нагая молодая девушка с распущенными волосами, почти ребенок, закрывала лицо руками, явно стесняясь своей наготы. Поза была передана настолько живо, что всякий невольно задерживал на ней взгляд, гадая, что же послужило источником вдохновения для давно почившего скульптора.

– Отец, – помолчав, поинтересовался Лаотор, – вы в самом деле договорились о... мм... ну, о нас с Каллирель?

– Да, – кивнул советник. – А что тебя смущает?

Как раз в этот момент они подъехали к перекрестку, и оба невольно бросили взгляд на тропинку, сворачивающую в лес. Было видно, что тропа ведет к строению, сложенному

из темных камней. Дорожка была заброшена и медленно зарастала травой и кустарником. Последний раз ею явно пользовались очень давно.

– Боишься не справиться? – Отец проследил за взглядом сына.

– Опасаюсь, – уклончиво ответил тот.

– На этот счет не беспокойся. Я все сделаю за тебя!

Лаотор отвернулся, пришпорил коня и галопом поскакал по аллее прочь. Советник чуть задержался, бросил последний взгляд на заброшенную часовню, где много лет назад уснул вечным сном прежний Наместник Аметистовый. Весьма немногие знали, что лорд Каллимир не просто так зашел сюда в свой последний час.

Карадор присел на край крыши, свесил одну ногу вниз. Посидел немного, глядя на уснувший город и дыша прохладным ночным воздухом, потом полез в кошелек на поясе. Вынул палочку контрабандного геронтийского табака, тщательно откусил кончик и только было собрался высечь искру, как до его острого слуха донеслось отдаленное гроыхание приближающихся шагов. Кто-то шел к нему по крыше, ступая с осторожностью человека, не так хорошо, как эльфы, видящего в темноте. Но за несколько секунд до того, как слабый отсвет факела озарил его спину, эльф спокойно обернулся, посмотрев на приближающегося молодого человека.

– Привет, – сказал он, когда тот остановился в двух шагах от края. – Ты что тут делаешь?

– А ты? – Молодой человек поискал глазами, куда воткнуть факел, но не нашел и присел на крышу, держа его в руке.

– Отдыхаю. – Карадор протянул сигару к факелу, зажег и затянулся.

– Я тоже... отдыхаю. – Молодой человек посмотрел вниз. На дворцовой стене горели огни – туда-сюда прохаживалась ночная стража. – Слушай, дай затянуться!

– Курить – здоровью вредить! – наставительно промолвил Карадор, но тлеющую с одного конца палочку все-таки подал. Его собеседник жадно вдохнул дым и закашлялся. – Что я говорил?

– Ты же куришь! – с некоторой долей обиды, прокашлявшись, возразил молодой человек.

– Ну, так я и не человек! А с вами, людьми, поведешься – и не того наберешься!

Какое-то время они молча курили одну сигару на двоих, передавая ее из рук в руки.

– А ты чего домой не идешь? – Молодой человек указал на силуэт эльфийского посольства. Острые шпили слабо светились в ночной темноте серебристо-голубым светом.

– Да ну, – отмахнулся Карадор. – Поздно уже. Да и завтра с утра пораньше все равно нужно было сюда возвращаться...

– Да уж!

При воспоминании о том, что предстоит завтра, лицо молодого человека помрачнело. Он прикусил губу, невольно сжал кулаки. Карадор боковым зрением заметил, как изменилось лицо собеседника, понимающе похлопал его по руке:

– Не бери в голову. Подумаешь – женитьба!

– Тебе легко говорить! – фыркнул тот. – Тебя никто не заставляет...

– Как раз меня-то и заставляют, – вздохнул Карадор. – Как думаешь, почему я ночую то во дворце, то в Тайной службе? У меня там, – он ткнул сигарой в сторону шпилей посольства, – восемь незамужних эльфиек. Из них пятеро – старше меня! Все восемь вбили себе в голову, что раз я не женат, то просто обязан хотеть создать семью.

– И что, домогаются?

– Просто ужас! – Карадор затянулся, подержал дым во рту и выпустил несколько колечек. – Караулят у двери, ходят по пятам даже до нужника, – его собеседник захихикал, – одна из них в окно пыталась залезть!.. Где-то на карнизе зацепилась платьем, застряла и

провисела до утра. Крикнуть и позвать кого-нибудь на помощь постеснялась, а я в ту ночь так вымотался, что спал как убитый и ничего не услышал.

– Ты – и не слышал? – не поверил молодой человек. – Но ведь у вас, эльфов, чуткий слух!..

– Говорю тебе – спал я!.. Но лучше бы проснулся! Поскольку снимала ее утренняя стража, она вообразила, что ее честь пострадала и у нее теперь как у «жертвы обстоятельств» есть преимущество перед остальными!

Докурив сигару, Карадор бросил окурочек с крыши. Его собеседник проследил за полетом красной точки, и эльф тоже скосил глаз, но с осторожностью – большинство представителей этой расы боятся высоты.

– Слушай, – помолчав, промолвил молодой человек, – Карадор, а как ваши девушки... ну... как бы тебе сказать... В общем, как они... э-э...

На его щеках проступил румянец, заметный даже в темноте.

– Даральд, – строго произнес эльф, – у тебя завтра свадьба! Как ты можешь в такую ночь думать о посторонних женщинах?

– Во-первых, еще не свадьба, а помолвка, – возразил тот. – А во-вторых, я...

– Скоро не буду думать о посторонних бабах вообще, – грубовато перебил Карадор.

– Да! – с облегчением воскликнул Даральд.

Какое-то время они смотрели друг на друга – человек умоляюще, а эльф внимательно и вопросительно.

– Что, страшно? – понимающе промолвил эльф.

– Не то слово!

– Но ты же Дисану не первый день знаешь!

– В том-то и дело! Никак не могу представить ее в роли жены! Кузины – еще куда ни шло, а вот супруги... У моих родителей все было не так!

– У ее родителей – тоже, – хмыкнул Карадор, вспомнив события почти тридцатилетней давности.

– А у твоих родителей как было? – замирая от предчувствия чего-то необычного, поинтересовался Даральд.

Его собеседник некоторое время молчал, копаясь в кошельке на боку.

– Никак, – наконец с явной неохотой произнес он. – Я отца не помню. Он как-то странно умер, когда я только что родился. Даже не успел узнать, что на свет появился мальчик... Мама вскоре после этого заболела, и тоже... просто легла спать и не проснулась. Я помню – утром прибежал к ней в комнату, она лежит на постели, а все стоят вокруг и смотрят, как она спит. Просто стоят. Я тогда спросил: «Вы ждете, когда она проснется? Почему вы ее не разбудите?» Мне дедушка сказал что-то вроде того, что она теперь долго будет спать... Я не поверил – запрыгнул к ней на постель, стал ее тормошить, а она...

– Мертвая? – подсказал Даральд.

– Угу. До меня не сразу дошло. Даже после того, как ее положили в склеп, я часто к нему приходил – все ждал, что мама проснется. Часами там сидел... Меня дядя и тетка вырастили. У дяди Калливары долго детей не было. Они меня баловали. Это я потом уже от рук отбился. – Карадор неожиданно улыбнулся своим мыслям. – Слушай, а давай напьемся?

– Что? – Даральд не поверил своим ушам.

– А чего? Тебе же надо набраться храбрости? Заодно по девочкам пройдемся. А?

Он подмигнул наследному принцу, и тот проворно вскочил на ноги.

Фрозинтар въехал в Альмрааль совершенно открыто.

В столице Великой Паннории с давних пор существовало торгово-политическое представительство Радужного Архипелага в землях людей. И то обстоятельство, что несколько

лет назад государство эльфов было завоевано орками, официально прекратило свое существование и вошло в состав новой Империи Ирч, никоим образом не меняло суть дела. Перворожденные продолжали жить в представительстве, разъезжали по столице и окрестностям, а один из них с некоторых пор вообще работал на короля Кейтора, возглавляя отдел эмиграции в Тайной службе. То есть эльфом стражу на воротах было не удивить. Удивление мог вызвать другой факт – означенный эльф не направил свои стопы в посольство, а остановился в одной из гостиниц, выбрав при этом не самую презентабельную. И в течение следующих нескольких дней практически не показывался никому на глаза. То есть вел жизнь настолько уединенную, что даже не все постояльцы знали, кто их сосед.

В общий зал Фрозинтар тоже не спускался, предпочитал, чтобы нарочито скромный обед и ужин доставляли ему в комнату. Служанка, носившая эльфу еду, удивлялась, что почти весь обед оставался нетронутым – неизменно заказывая мясо, булочки, творог, сладости и изредка кое-какие разносолы, постоялец всегда ограничивался тем, что пробовал принесенное вино и слегка надкусывал хлеб.

Вот и сейчас обед оказался цел. Служанка поставила рядом с подносом новый и с некоторой тревогой оглянулась на постояльца.

Эльф лежал на постели, отвернувшись к стене. Он даже не повернул головы, когда женщина вошла.

– Господин? – позвала служанка. – Господи-ин?

– Что? – помолчав, ответил он.

– С вами все в порядке, господин?

– Д-да. Убирайся!

– Но вы опять ничего не съели! – Прислужница взяла поднос с обедом.

– Съем, н-не беспокойся. Оставь меня!

– Как прикажете, господин... Но вы точно все съедите? – поинтересовалась она уже от дверей.

– Да, г-гоблины тебя сожри! – с надрывом воскликнул он.

Служанка захлопнула дверь.

Но поздно вечером неясная тревога снова погнала ее наверх, к странному постояльцу. Несмотря на то что эльфы не были для Альмираала такой уж диковинкой, многие горожане никогда не видели представителей этого народа вблизи. Кроме того, появилось вполне обоснованное опасение – никак этот эльф собирался уморить себя голодом! Он ведь несколько дней практически ничего не ел!

Крадучись, служанка поднялась по лестнице. Гостиница при трактире была небольшая, всего на десять комнат, но сейчас заняты оказались только шесть. Эльф проживал в последней из них – по коридору и направо. Добравшись до двери, служанка тихо толкнула ее. Она не хотела стуком беспокоить постояльца. Просто заглянет одним глазком, убедится, что с ним все в порядке и...

Хвала богам! Эльф больше не лежал на постели, отвернувшись к стене, а сидел у стола и неотрывно смотрел на пламя свечи. Она прогорела больше чем наполовину, через час постоялец окажется в полной темноте. Ужин стоял на подносе – сегодня эльф не притронулся даже к вину.

В комнате что-то было не так. Служанка не сразу смогла понять это, а потом жилец поднял голову и в упор посмотрел на нее:

– Ты что тут д-делаешь?

– Я... господин, я, – женщина от смущения покраснела, – простите, если нарушила ваш покой, но...

– Входи.

Произнесено это было таким тоном, что она не осмелилась перечить. Осторожно прикрыв за собой дверь, остановилась на пороге, теребя передник и не зная, куда девать глаза.

Эльф поднялся, мазнул длинными пальцами по столу.

– Тебя к-кто-нибудь видел?

– Нет, господин, я... Нам запрещают беспокоить постояльцев так поздно, кроме того...

– Подойди.

Фрозинтар смотрел, как служанка подходит, глядя в пол. Человеческая женщина, уже не юная особа, на вид лет тридцати, но не расплывшаяся от частых родов, как большинство ее ровесниц. Двумя пальцами он поднял за подбородок ее голову, взглянул в лицо.

– Ты еще д-девушка?

Щеки служанки мигом покрыл румянец, заметный даже в темноте.

– Нет, – прошептала она еле слышно, уже догадываясь, что может произойти дальше.

– Это ничего н-не значит, – прошептал эльф, привлекая ее к себе.

Его лицо оказалось совсем близко от лица служанки – чуть вытянутое, какое-то неестественно бледное, с резко выдающимися скулами и пергаментно-сухой кожей. Совсем не такое лицо должно быть у утонченных красавцев-эльфов. Чудилось в нем что-то подозрительное. И руки его были как-то странно холодны. И глаза в провалах глазниц почему-то лихорадочно блестели...

Взглянув в глаза эльфа, служанка внезапно увидела его вертикальные зрачки. И походила от страха.

Но было уже поздно.

Через несколько минут Фрозинтар мягко вскочил на подоконник, пригнувшись, пронзил острым зрением ночную темень. Двигалось легко и свободно, жизненная сила буйным конем скакала по жилам, энергия бурлила и требовала выхода. Правда, ее должно было хватить всего на несколько часов, но этого достаточно.

Личных вещей у эльфа почти не было – он предпочитал путешествовать налегке, – и сейчас покинул комнату на постоялом дворе без малейшего сожаления и желания возвращаться. Несколько серебряных монет (он предпочитал иметь дело с этим металлом) должны были как-то компенсировать владельцам постоялого двора все расходы. О судьбе женщины, чье тело ему пришлось аккуратно уложить на свою постель, эльф не задумывался. Не она первая и не она последняя! Возможно, даже выживет...

Еле ступая по крыше ногами, обутыми только в носки (короткие сапожки висели за плечом), Фрозинтар легко пробежался по крыше, перескочил на соседнюю и продолжил свой бег. Иногда он внезапно замирал, пригнувшись и почти распластавшись на кровле. Его обостренные чувства давали почти полную картину окружающего мира: в отличие от людей, эльф мог различать даже цвета, хотя и сильно приглушенные темнотой. Но звуки и запахи были доступны во всех тонкостях и всем богатстве гаммы. Можно сказать, что он видел и чуял все, оставаясь заметным разве что для летучих мышей и пары кошек.

Заведение «На рогах» украшала гордая надпись: «У нас нет таблички «ЗАКРЫТО»». Толкнув дверь, Карадор подмигнул своему спутнику:

– Ну, видишь? Мы вовремя!.. Мариль! Мари-и-иль! – Его пронзительный голос легко перекрыл и музыку, и гомон голосов, и шарканье ног. На дощатом помосте извивались и задирали ноги танцовщицы, демонстрируя чуть меньше того, что требовало заведение подобного рода. Десятка три мужчин – большинство люди, но попалось и несколько полуорков и один темный альфар – ели, пили, глазели на девочек, кидали кости, разговаривали. Практически никто не обратил внимания на новых посетителей.

– Мариль! – закричал Карадор, протискиваясь к стойке. – Мариль, где ты там?

На шум из подсобки выплыла сама Мариль – содержательница заведения. Когда-то она подрабатывала здесь танцовщицей, но несколько лет назад благодаря своим связям смогла приобрести сие заведение в полную собственность, сразу остепенилась и растолстела. Полное лицо расплылось в улыбке, когда она увидела, кто ее окликает.

– О, красавчик Каро! – воскликнула женщина. – Ну, наконец-то! Давно не заглядывал! Кто это с тобой?

Принц Даральд, который крайне редко ускользал из дворца таким способом (через забор на заднем дворе), надвинул на глаза капюшон темного дорожного плаща, честно украденного его спутником в караулке. Он даже вздрогнул, когда эльф рывком обнажил его голову.

– О, – хозяйка попыталась изобразить придворный реверанс, что благодаря ее танцевальному прошлому получилось очень изящно, – ваше вы...

– Тсс! Тихо. – Карадор быстро взял ее под локоть. – Мы тут как частные лица. Так что нам, пожалуйста, отдельный кабинет и спецобслуживание! А то смотри – отправимся в другое место!

– Ладно, – вздохнула Мариль. – Пошли за мной!

Хозяйка кабачка важно проплыла в противоположный конец зала. Там она широким жестом предложила поздним гостям проследовать в небольшой кабинетик и щелчком пальцев подозвала подавальщицу.

– Обслужи по высшему разряду! – распорядилась Мариль и удалилась.

– Та-ак... – Карадор по-хозяйски развалился на скамье, забросив ноги на край столешницы. – В общем, для начала по бутылочке «Императорского ликера», под него – седло барашка и свиные ребрышки в маринаде. Потом две порции мяса по-орочьи и к ним что-нибудь покрепче, вроде «Зеленого дракона». А завершим все «Галлюцинацией» и... что там у вас есть остренького?

– Есть новое блюдо «Крысиные бега», – отрекомендовала служанка.

– А это чего?

– У нас повар – орк, он держит рецепт в секрете! – заговорщически подмигнула служанка.

– Отлично, и побегаем в конце! – обрадованно воскликнул Карадор. – А пока все это несут, давай нам пива и сырной нарезки!

Служанка обернулась так быстро, словно все перечисленное уже было готово заранее.

– Ну и ну! – Даральд осторожно пригубил пиво из огромной кружки. – Здорово!

– Погоди, это еще только начало! – Карадор приник к своей кружке с таким видом, словно у него с утра маковой росинки во рту не было. – Вот потом отсюда пойдем в таверну «У Брехта»! Там мясо по-орочьи готовят совершенно по-другому, с натуральными приправами. И там такое пиво! Одного темного четырнадцать сортов! Рекомендую попробовать «Темного эльфа».

– А это какой сорт?

– Мм-м-м, – Карадор покатал на языке глоток и подмигнул служанке, которая как раз в эту минуту вносила поднос со свиными ребрышками, – это ведь «Королева осени», так?

– Да, милорд, – улыбнулась девушка.

– А «Гнев монарха» есть?

– Специально для вас можем открыть бочонок!

– Тогда тащи!

– Ты так хорошо разбираешься в сортах пива? – поинтересовался принц Даральд, когда требуемый «Гнев» доставили им для дегустации.

– А ты – нет?

– Ну, я все-таки принц и...

– И мужчина двадцати восьми лет от роду! В твоём возрасте уже лет пять как пора быть экспертом! Вот ты Тана Одноглазого помнишь?

– Ещё бы!

Принца передернуло, и он поскорее поспешил залить воспоминания несколькими глотками пива. Всего несколько месяцев состояли на службе у его отца «нелюди короля», среди которых был одноглазый любитель выпить, но этого оказалось достаточно, чтобы об их подвигах до сих пор ходили легенды.

– Так он двадцать шесть сортов темного пива может назвать, даже если его разбудить среди ночи! – наставительно поднял палец Карадор. – Я по сравнению с ним просто сопляк!

Стол быстро уставили бутылками, кружками, тарелками и блюдами. Оглядев все это великолепие, Даральд присвистнул:

– А у нас денег хватит?

– За счет заведения! – Карадор кинжалом сбил пробку с бутылки «Императорского ликера», понюхал и щедрой рукой плеснул в обе кружки, свою и принца.

– Э-эй! – попытался запротестовать Даральд. – У меня там еще было...

– Тогда допивай живо, и я тебе по второй налью. «Императорский ликер» надо смаковать!

Он за донышко приподнял кружку, внимательно следя, чтобы принц выпил все до капли, после чего наполнил его кружку снова.

Приземлившись на край крыши, Фрозинтар плавно перенес вес своего тела на водосточный желоб, нашел пальцами рук и ног опору и устроился поудобнее. Со стороны он казался невесть как прилипшей к скату крыши огромной лягушкой, но для эльфа сейчас чужое мнение ничего не значило. Осторожно подняв правую руку, он пошевелил пальцами, разминаясь, а потом проверил, легко ли выходит из ножен кинжал. Другого оружия при нем не было, да он и не любил его носить.

Ждать пришлось недолго. Буквально через полчаса – совсем немного для того, кто мог замирать вот так на несколько дней, – из распахнутых дверей вывалились две фигуры и, поддерживая друг друга, заковыляли по ночной улице. Некоторое время Фрозинтар смотрел им вслед, а потом осторожно пополз следом, прижимаясь к крыше. Кинжал пока оставался в ножнах. Может быть, он так там и останется...

– Эт-то... то пиво... ой!

– Стоять!

– Ой, мама... А чего это... ох... гоблин!

– Тихо-тихо-тихо...

– Ой, ё... ч-чего это земля шевелится?

– М-да, не надо было мешать «Темного эльфа» с «Белой королевой»!

– Слушай, а давай споем, а? Еха-а-ал рыца-а-арь па-а-а дар-роге-е-е...

– Тихо ты! Не ори!

– Я – ик! – не ору! Я п-пою, а т-ты...

– А я веду тебя домой! Вот так... тихо-тихо, ножками-ножками...

– Ч-чего? Домой? Не хочу домой! Ты мне это... того... ну, женщин обещал! Хочу женщину!

– Ты в таком состоянии еще о женщинах думать можешь?

– А т-ты – нет?

– Нет! О женщинах не надо думать! Их надо... любить!

– О, точно! Пошли люб-бить!.. Лю-убви хочу-у-у-у...

– Ладно-ладно, будет тебе любовь... Да ты сам хоть иногда ноги переставляй! Я ж тебя не дотащу!

– Мы идем к женщинам?

– К женщинам, к женщинам...

– Ур-ра!

Хорошо быть нелюдем! Там, где человек не знает, куда ногу поставить, нелюдь пройдет танцующей походкой, насвистывая под нос веселый мотивчик. Там, где человек с трудом в темноте различает пальцы вытянутой руки, для нелюдя царит лишь приятный полумрак. Там, где человеку кажется, что он оглох, нелюдь различает шорохи и шепотки. А мир запахов!.. Тут обоняние людей не выдерживает никакого сравнения.

Тара не задумывалась над тем, кем являлись ее родители. Девушке достаточно было знать одно – лишь один из них был человеком и оба они наверняка считались чистокровными представителями своей расы, иначе в результате их связи не появилась бы полукровка, в которой гармонично сочетались признаки обеих рас.

За острый носик, зеленые раскосые глаза и тонкие черты лица, а также копну рыжих волос ее звали Лисичкой. За грациозную походку, ловкость и гибкость – Эльфенком, а за привычку нападать из-за угла – Тайной.

Кстати, слово «гармонично» в лексиконе Тары отсутствовало – его заменяло слово «клево». Впрочем, справедливости ради надо сказать, что совсем уж необразованной девушку назвать было нельзя – в сиротском приюте при храме Девы Усмирительницы, где Тара провела первые двадцать невероятно долгих лет жизни, ей пытались дать образование и привить кое-какие полезные в обществе навыки. Порой Тара пользовалась полученными знаниями – когда надо было прочесть объявление, кого из ее приятелей разыскивает Тайная стража, или если надо было, переодевшись в краденое платье, сыграть роль знатной деллы², дабы отвлечь внимание «цыпленка»³.

Прижавшись к углу дома, Тара поигрывала острым трехгранным стилетом, прислушиваясь к доносящимся с другого конца улицы голосам. Девушку била легкая дрожь – выливались волнение, нетерпение, охотничий азарт и самый обыкновенный страх. Ее занесло сюда случайно, это не была территория ее банды, и оставалось лишь гадать, что сделают с нею хозяева этого района, если поймают на месте преступления. Весь Альмрааль поделили на охотничьи угодья между различными «стаями». Охотиться на чужих улицах не разрешалось никому.

Тара подавила вздох. Ведь предлагали же ей перейти в банду Хариуса, еще весной предлагали! Тогда она отказалась, о чем теперь жалела. Нет, конечно, это не его улица, но совсем близко к границам, так что в случае чего можно было бы соврать, что «пасла дичь» и чересчур увлеклась преследованием. Эта уловка сработала бы в том случае, если бы девушка ходила под началом Хариуса, но здесь она вдвойне чужая. А Мышелов, местный «вожак», мужчина серьезный. Он чужачку не потерпит. На ножи ее, конечно, никто не поставит, но разборке между бандами быть.

...А у Хариуса ей жилось бы хорошо! У него четырнадцать ножей вместо восьми у Чекана, в «стае» которого охотилась сама Тара. Причем один нож принадлежал самой девушке, поскольку у Чекана просто-напросто не хватало бойцов. Да, если ее тут поймают, разборок не избежать. Кроме того, под началом Хариуса ходит сам Зайка – синеглазый блондин, по которому сохнут все девчонки, даже шлюхи из Лоскутного квартала.

² Делла – обращение к знатной даме, буквально переводится как «дочь знатных родителей». Обращение «леди» указывает на то, что эта женщина получила титул лишь благодаря браку с лордом, а не по праву рождения.

³ Цыпленок – здесь: лорд, которого собираются ограбить.

Уважающая законы улицы девушка уже хотела бросить все, но уж больно заманчивой была добыча. Двое мужчин, оба, судя по одежде, типичные «цыплята». К тому же пьяны – желанная добыча для любого охотника. Правда, один из них, похоже, нелюдь, что существенно осложняло дело. Но да ничего. Главное – атаковать внезапно и сразу нанести удар.

Тонкие пальцы ласково погладили рукоять стилета. Место для засады она выбрала удачно – за углом дома. Мимо эти «цыплята» не пройдут, место тут глухое, тихое. Даже если она и наделает шума, вряд ли кто-то из обывателей высунет нос посмотреть, что происходит. Тара прекрасно могла чують, где живут какие люди. Из пяти ближайших домов три внизу имели лавки – это значило, что на первом этаже никто не живет. Ближайшая лавка как раз находилась рядом, здание было ниже остальных – а это значило, что наверху нет жилых комнат и сейчас пусто. Просто идеально! Так, теперь надо подождать.

Неверные спотыкающиеся шаги двух путников приближались. Они шагали посередине дороги, Таре следовало хоть на миг выйти из тени домов. Плохо, что один из них – нелюдь. Девушка с ходу придумала и тут же отмела в сторону план – подойти сзади, приставить нож к почкам и потребовать кошельки и драгоценности: «А иначе твой дружок будет убит... И не дергайтесь, если не хотите, чтобы вас наспиговали болтами!» Практика показывала: мало кто геройствует в такой ситуации. Чаще всего один из попавшихся с легкостью бросал дружка и улепетывал, а оставшегося «ощипывали» с ног до головы. Но тот же нелюдь заметит, что она тут одна и в тени зданий не скрывается засада стрелков.

Значит, что? Значит, надо всего лишь насадить на стилет именно его – почки-то у всех расположены одинаково. А человеку будет не до окружающей обстановки.

Не сводившая глаз с пары «цыплят» Тара краем сознания отметила еще чье-то присутствие – тонкий слух нелюдя уловил какой-то шорох. Впрочем, она тут же забыла об этом – звук шел сверху. Скорее всего, кошка, ибо вряд ли кто из бандитов Мышелова будет преследовать «цыплят» по крышам. Таких виртуозов еще надо поискать!

Поддерживая друг друга, «цыплята» проковыляли мимо. Один – человек – был довольно сильно пьян и все порывался горланить песни и властно требовал «девочек». Нелюдь казался трезвее. Когда они проходили мимо, до тонкого обоняния девушки донеслись ароматы дорогих вин и острых приправ. Только что из трактира! И наверняка оставили там почти все свои деньги!.. Вот неудача!..

Погоди-погоди, а что это там? На пальце человека блеснул перстень. И не один! Тоже неплохо! Драгоценности можно продать. Она как раз знает парочку «своих» ювелиров, к которым придется обратиться!

Решившись, Тара отлепилась от стены и сделала шаг вперед.

Стилет привычно лежал в ладони. Одно движение и...

Но мгновением раньше какая-то тень мягко спрыгнула с крыши как раз между «охотницей» и ее «цыплятами». Будучи наполовину нелюдем, Тара успела заметить движение сверху, нападение не застало ее врасплох. Удивление вызывало другое – что он-то здесь делает? Ведь в банде Мышелова до сих пор инородцев не было. Или она что-то упустила?

Как бы то ни было, неизвестный легко, как пушинку, приподнял девушку и чувствительно приложил лопатками о стену.

– Н-не смей, – послышался свистящий, чуть заикающийся шепот. – Они мои!

Тара бросила косой взгляд в сторону – полупьяная парочка уходила, петляя, загребая ногами и не замечая того, что происходит за спиной.

– Ты ничего не понимаешь, – начала она спорить и заработала еще один тычок лопатками о стену.

– Нет, это т-ты ничего не понимаешь...

Но в этот момент месяц осторожно выглянул из-за облака, видимо, привлеченный их шепотом, и слабого света оказалось достаточно, чтобы конкуренты увидели лица друг друга.

Тара тихо вскрикнула, сама вжалась в стену и захотела слиться с нею, желательно навсегда. Бледное как мел, какое-то восковое лицо со странным голубоватым оттенком кожи, красные глаза, вертикальные зрачки, незаметное для людей *отсутствие* запаха... Быть того не может! Сказки! Он же должен выглядеть совсем по-другому!

Мужчина – по чертам лица типичный чистокровный эльф, разве что выше ростом и шире в плечах, чем любой представитель этой расы, – тоже отшатнулся. В глазах его разливалось безмерное удивление, смешанное с ужасом. Этот ужас был настолько велик, к нему примешивалась такая гамма чувств, что он даже не заметил, с каким выражением лица смотрит на него «охотница».

– Т-Тариель?

– Нет, нет, – отчаянно затрясла головой Тара, краем сознания все-таки отметившая явное сходство имен. – Ты ошибся! Это не я!

– Тариель, – повторил он. – Т-ты жива?

Все страшные сказки, все байки, которые так любили пересказывать друг другу девочки в приюте, сразу пришли ей на ум. Истории о Невесте Упыря⁴ занимали в этой подборке немалое место.

– Нет! – завопила Тара во всю силу легких, не заботясь о том, что ее могут услышать. Да пусть хоть «стая» Мышелова, пусть Тайная служба – она бы сейчас была рада кому угодно, лишь бы это были *живые* существа! – Нет! Ты ошибся!

– Тариель, – он чуть отстранился, – т-ты не узнаешь меня. Что они с тобой сделали, Тариель? П-посмотри внимательнее...

– Аа-а-а-а! – заорала Тара, вырываясь из его рук. – Спасите! Помогите! Убивают!

Он еще пытался ее удержать. Девушка почувствовала, как затрещала ткань ее рубашки. Рукав порвался с треском, и, получив свободу, «охотница» со всех ног припустилась бежать.

Нервная дрожь пробила ее уже дома, в маленькой каморке под крышей, куда она ввалилась привычным путем, через чердачное, оно же единственное, окошко. Левого рукава не было! Он остался там! *В его руках!*

⁴ Просьба не путать! Упырем здесь называют ожившего мертвеца, восставший из могилы труп, который убивает все на своем пути, питаясь кровью и жизненной силой своих жертв. Вампир может быть вполне живым и пьет кровь потому, что такова особенность его физиологии. Жертва нападения вампира, как правило, остается в живых.

Глава 2

Король Кейтор проснулся перед рассветом. Эта привычка выработалась у него в последнее время – когда на твоих плечах ответственность за огромное королевство, нет времени валяться в постели. Тем более когда рядом не имеется смягчающего обстоятельства в лице горячо любимой (несмотря на прожитые вместе годы) супруги. Длившийся двадцать восемь лет брак с Лианой Кристалльской омрачало лишь одно – его жена очень хотела родить девочку, но на свет один за другим появились три мальчика. Явный перебор, особенно если учитывать, что Проклятие с династии владык Паннорских было снято много лет назад.

Нет, его величество одинаково сильно любил всех своих сыновей – и одинаково сильно за них переживал, ибо беспокойным нравом по крайней мере двое из троих пошли в своего отца. Двадцативосьмилетний Даральд, например, совершенно неожиданно выказал явные способности к следственному делу – приставленный к Карадору несколько лет назад в целях перевоспитания наследник престола довольно быстро проникся работой Тайной службы, как в свое время его отец. Младший же, Клеймон, родившийся через год после того, как Кейтор стал королем Великой Паннории, отличался таким же беспокойным нравом и способностью влипать во всякого рода неприятности, что и его венценосный папаша. Только средний, Сейлор, обладал относительно спокойным нравом – да и то спокойным он был лишь на фоне своих братьев. Взять хотя бы тот случай на охоте... Нет, лучше не вспоминать!

После того дня, когда все три принца вместе решили сбежать из дворца, чтобы пойти и по примеру отца убить дракона, король Кейтор озаботился системой внутренней безопасности. А именно, тайно от сыновей поручил своему дяде, лорду-целителю Даральду Паннорскому, разработать следящие заклинания. Тот задействовал свои связи среди эльфов, славящихся способностью придавать необычные свойства обычным вещам, в результате чего король стал обладателем трех следящих камней. На вид это были самые обычные брошки прозрачно-желтого цвета, сильно напоминающие янтарь. Вручая их королю, Даральд предупредил, что, если с каким-то из принцев случится беда, брошка помутнеет, а произнеся особое заклинание, в ней, как в зеркале, можно будет увидеть, что и где произошло, дабы без промедления послать на помощь принцу либо карательный отряд рыцарей, либо бригаду целителей.

«И заодно могильщиков – чтобы сразу прикопали трупы!» – мрачно пошутил тогда венценосный родитель...

И резко остановился, хлопнув себя по лбу.

Он внезапно понял, что разбудило его в такую рань – тихий мелодичный звон, раздавшийся из стоявшей на прикроватном столике шкатулки.

У Кейтора сразу выработалась привычка всюду таскать за собой следящие камни – либо в шкатулке, либо в кожаном футляре в кошелье. Но как, не видя камней, узнаешь, изменили они цвет или нет? Вот по личной просьбе монарха и было добавлено «музыкальное сопровождение».

Выругавшись, Кейтор бросился к шкатулке. «Только не Клеймон», – успел подумать он про младшего сына, который по количеству «попаданий» уже перещеголял родителя. Взять хотя бы его вчерашнее поведение во время генеральной репетиции сегодняшней помолвки! Ведь что удумал, паршивец, – переделся в женское платье и доблестно играл роль «невесты», скрыв лицо под вуалью и изменив голос! Обман раскрылся, только когда «новобрачная» с воплем: «На кого ж ты меня покидаешь?» – повисла на шее принца Даральда, яростно целуя в нос, щеки, скулы и уши. Принцев еле растащили, причем наследник престола так плевался, что напомнил Кейтору его самого в молодости. Сейчас наказанный Клеймон сидел

взаперти в своей комнате. Но что, если мальчишка решил сбежать? Ему всего пятнадцать! Что с ним станет дальше?

Камни были помечены – каждый на тыльной стороне имел портрет того принца, на которого был настроен. Первым Кейтор выхватил камень Сейлора и, не глядя, отшвырнул на постель. Вторым оказался камень Даральда, и его тоже король вначале швырнул следом, спеша добраться до третьего принца. И лишь стиснув последний камень в кулаке, сообразил, что переливчатый звон несется с подушки.

«Не может быть!» – только и подумал Кейтор, увидев, что цвет изменил именно камень наследника престола.

– Стр-ража!

Карадор повернулся набок и уткнулся носом во что-то упругое и плотное. Сладко мурлыкнул, подтягивая это «что-то» поближе. Рука скользнула по плотной ткани и неожиданно вляпалась в нечто теплое, влажное и липкое.

– Что за...

Приподнявшись на локте, Карадор вытаращил глаза. После вчерашнего загула голова гудела, во рту было противно и сухо, но один взгляд на то, что лежало перед ним, подействовал, как бокал хорошего вина или вылитого за шиворот ведра ледяной воды. Эльф мигом протрезвел. Мысли отчаянно заметались в черепной коробке, он искал выход.

– Ма-ама...

Они лежали на примятой траве под деревьями какой-то заросшей аллеи – он, Карадор, и бесчувственное тело с торчащим в груди кинжалом. Правая рука эльфа была в красном – поворачиваясь набок, он задел натекшую из раны кровь. Кровь виднелась и на его камзоле, и на земле.

– П-покровители, – выдохнул эльф, задом отползая от тела, не в силах отвести взгляда от того, что еще несколько минут назад являлось человеком. Человеком, знакомым ему настолько, что у Карадора помутилось в голове. Иначе зачем бы ему тут же кидаться обратно и выдергивать кинжал из раны?

Кровь плеснула толчком, словно только этого и ждала, и Карадор снова попятился.

– Это не я, – прошептал он в пространство. – Я бы никогда...

Но кинжал принадлежал именно ему. И рядом никого не было.

Вскочив, Карадор отшвырнул кинжал за кусты и со всех ног бросился прочь.

По счастью, до эльфийского посольства было не так уж далеко. Не тратя времени на то, чтобы найти ворота, он перемахнул через кованую решетку забора и напрямик, топчя траву, ринулся к замку. Добежав, опять не стал искать вход, а, цепляясь за лепнину и плющ, полез на третий этаж, в свою комнату, торопясь, пока его никто не заметил. Ему необходимо было где-то уединиться, чтобы все обдумать. Да и сменить окровавленную одежду тоже не мешало.

От волнения эльф не сразу сообразил, что в комнате что-то не так. Сразу бросился зажигать свечи и вздрогнул лишь от раздавшегося за спиной возгласа:

– О, как это романтично!

Голос был определенно знаком. Насколько знаком, что эльф застонал. Нет, только не это! Только не сейчас!.. Но на его постели уютно устроилась леди Мидарель, самая отчаянная и ярая его преследовательница. Именно ее некоторое время назад утренняя стража снимала с карниза, когда она застряла там, карабкаясь в его спальню по стене.

– В-вы... – Карадор попятился и, запнувшись обо что-то ногой, рухнул на пятую точку.

– Говори мне «ты». – Леди Мидарель приподнялась, демонстрируя свои прелести. Как нарочно, на ней не было ни одной нитки. – После того как я провела в твоей комнате всю ночь, другого тебе не остается...

Карадор стрельнул взглядом в сторону двери, понимая, что из одной передрыги угодил в другую.

– То есть вы хотите сказать... – сглотнув, промолвил он, – что сообщите всем, что я и вы... что мы... э-э... спали вместе?

– Ну не сразу. – Леди одарила его таким многообещающим взглядом, что несчастный понял – если он сейчас сам, с песнями и плясками, не побежит под венец, его туда понесут. Связанным по рукам и ногам, да еще и с кляпом во рту, чтобы не смел возмущаться. О, Покровители, ну почему все эльфийки так строго относятся к любовным связям! Один раз поцеловал в щечку – считай, пообещал жениться! А уж если, не приведи Покровители, переспал – все, пиши пропало! Человеческие женщины в этом вопросе куда как либеральнее – некоторые сами готовы заплатить за то, чтобы красавец-эльф провел пару часов в их постели.

Она поднялась и направилась к нему. Карадору стало жутко. Он не первый день знал эту леди и сильно подозревал, что ее нарочно «сдал в плен» собственный муж, который просто устал от ее аппетитов. И весьма удачно замел следы, пустив слух о своей кончине, чтобы больше не встречаться с ненасытной и весьма оригинальной в удовлетворении своих потребностей супругой. То есть сейчас его привяжут к постели и изнасилуют... Нет, лучше пыточные подвалы, чем это!

– Кроме того, – сладко протянула леди Мидарель и облизнулась с самым плотоядным видом, – если ты не скажешь этого, я всем сообщу, что ты явился весь в крови... И еще неизвестно, чья это кровь!

Карадор вскочил и, оттолкнув тянущую к нему руки леди Мидарель, со всех ног бросился прочь, от волнения совершенно забыв, в каком он виде.

Эмигрантский отдел Тайной службы был реорганизован несколько лет назад, когда стало известно, что далеко не все эльфы, выкупленные из рабства, горят желанием вернуться домой. У одних погибли все родные и близкие, и они не хотели оказаться на пепелище в полном одиночестве. Другие просто не желали кланяться императору-орку, пусть он самолично, из собственной казны, и оплатил их освобождение. Эти последние делились на тех, кто категорически отказывался даже смотреть в сторону Радужного Архипелага, и тех, кто просто выжидал – ведь среднестатистический орк живет в несколько раз меньше, чем среднестатистический эльф. А это значит, что лет через сто или двести (ну, двести пятьдесят, учитывая, что император с помощью магии сумеет продлить срок своей жизни) орк с трона, скажем так... сойдет и его место займет кто-нибудь более приемлемый. Хотя бы его жена самых что ни на есть чистых эльфийских кровей. Вот, дескать, тогда мы вернемся и заживем по-старому!

Как бы то ни было, но оставшихся на территории Великой Паннории эльфов надо было устроить. Из-за тех, кто собирался вернуться, следовало наладить транзитный коридор, а также организовать службу спасения для тех, кто пока оставался в рабстве. Не все владельцы горели желанием расставаться со своими приобретениями – для того, чтобы принудить их распрощаться с длинноухим имуществом, требовалось написать соответствующие законы и обеспечить их выполнение... Короче, дел было немало, и Карадор, точно такой же изгнанник, рьяно включился в работу.

Ему удалось раздобыть форму охранника, и он примчался на службу на своих двоих – тратить время и седлать коня, убегая от леди Мидарель, было уже некогда. Полный решимости если надо совсем окопаться и жить на работе, Карадор, прыгая через три ступеньки, ворвался в свой кабинет, на всякий случай сразу заперся изнутри.

В течение следующего получаса он метался из угла в угол, как зверь в клетке, то и дело подходил к окну и с тревогой выглядывал на двор. Окон было два – одно выходило как раз на внутренний двор, а другое – на крышу следственной тюрьмы. Стоит леди Мидарель

или кому бы то ни было подозрительному оказаться у ворот, он высадит ногой раму и уйдет по крышам, благо, Карадор боялся высоты меньше, чем большинство его сородичей. А там кинется к Кейтору – пусть король пригрозит озабоченной эльфийке принудительной экстрадицией. Авось она испугается незнакомого слова (Карадор сам не был уверен, что правильно употребляет некоторые человеческие термины) и слегка поумерит свои аппетиты.

«И вообще, что она возомнила? – растревлял себя эльф, меряя шагами кабинет. – В конце концов, у меня принц на аллее лежит! А я тут торчу... Даральда надо спасать... Вот гоблины, что же вчера произошло?»

Память упорно отказывалась работать, подсовывала какие-то разрозненные картинки. Помнится, они долго бродили по улицам, куда-то заглядывали, где-то пили и закусывали, потом... нет, не вспомнить... В какой-то момент сознание словно отключилось – он проснулся уже возле окровавленного трупа.

Острый слух нелюдя вовремя предупредил об опасности. По лестнице грохотали быстрые шаги, слышались голоса.

Чисто машинально Карадор шагнул сначала к окну – убедиться, что леди Мидарель внизу нет, – а потом к двери, в которую мгновением позже грохнул кулак.

– Лорд Карадор? – грянул голос, который эльф с трудом узнал – столько в нем было холода и металла. – Вы здесь?

«Принц!» – запоздало осенило эльфа. Тело отыскали и без него. Он попятился от двери – и аж подпрыгнул, когда сзади, от второго окна, послышались какой-то шум, а потом – грохот высаживаемой рамы и звон разбитого стекла.

Взвизгнув от неожиданности, Карадор круто развернулся, чтобы увидеть, как трое стражников в мундирах Тайной службы лезут в его комнату.

Решение пришло мгновенно. Дав солдатам время освободить выход, Карадор высоко подпрыгнул, схватился за поперечную балку. Раскачавшись, мгновенно подтянулся на руках и сильным толчком ногами вперед выпрыгнул в окно.

Приземлился он неудачно, на скат крыши, но успел сгруппироваться и сразу кувыркнулся, спасая бока и загривок от травм. Вскочил на ноги, помчался по краю водосточного желоба, спеша добраться до противоположной стороны, откуда, заранее взяв разбег, что было сил бросил свое тело через дорогу на крышу соседнего дома.

Ему удалось ухватиться за край карниза самыми кончиками пальцев. Он не сорвался лишь чудом, отчаянным рывком все-таки вздернул себя на крышу, упал животом на выступ и с низкого старта рванулся бежать прочь, не обращая внимания на доносившиеся снизу и сзади отчаянные крики. Не было времени остановиться и оглянуться, и лишь одна мысль неотвязно билась в мозгу: что теперь делать?

Дело оказалось сложнее, чем он думал. В сознании «объекта» неожиданно обнаружился мощный блок. С помощью магии его теоретически можно было бы нейтрализовать, но чары явно наложили еще в момент рождения, а всем известно, что чем дальше находится заклятие на зачарованном существе, тем труднее его потом снять. Чары настолько срастаются с аурой «жертвы», что становятся просто ее частью. И иногда проще добить носителя наложенного заклятия, чем избавиться от ононого.

Вот и здесь Фрозинтар без толку провозился с мощным защитным блоком в сознании «объекта» и в результате потерял время. Пришлось выпустить из виду того, второго, а потом было уже поздно.

Но да ничего. Он и не думал, что последнее задание окажется столь простым, как удар кинжалом в грудь.

Несмотря на солидный возраст – шестьдесят пять лет не шутка для человека! – лорд-целитель Даральд делль Орш, владетельный герцог Паннорский, отлично держался в седле. Поднятый с постели перед рассветом, он примчался в королевский дворец верхом, успев лишь кое-как одеться и даже не прихватив саквояж с самыми необходимыми инструментами. Его старшая дочь и первая помощница в подобных делах, делла Исмираль, должна была приехать чуть позже и привезти что нужно.

Во дворце все стояли на ушах. Горели огни, перепуганными мышами тут и там таились слуги, а те, кому служебный долг предписывал встретить герцога и проводить его в королевские покои, были бледны и взвинченны. Плохие новости всегда распространяются мгновенно! Даральд мельком подумал, что королю придется здорово раскошелиться, чтобы заткнуть все рты во дворце.

Когда-то давно он сильно повредил ногу, с возрастом давняя рана иногда давала о себе знать, и сейчас лорд-целитель вошел в комнату, сильно хромя. Взгляд сразу ухватился за лежащее на постели полураздетое тело с окровавленной грудью. Стоявших справа и слева от него короля, королеву и младших принцев он едва удостоил внимания, приблизившись и склонившись над наследником престола.

Бледный до синевы, неподвижный и холодный, перед ним лежал нареченный жених его младшей дочери. Еще только вставал рассвет, Дисана сладко спала, грезя о предстоящей помолвке, и ничего не знала о том, что сегодняшней день не будет самым счастливым днем в ее жизни. Рана на груди молодого человека говорила об этом достаточно красноречиво.

– Когда его нашли? – Наклонившись, Даральд коснулся пальцами шеи принца, чтобы прощупать пульс.

– Недавно.

– Сколько прошло часов? Два? Три?

– Два... или три... Пока отыскивали, пока дали знать...

– Так сколько? – Даральд на миг прекратил осмотр и бросил взгляд через плечо. – Не мямлите, ваше величество!

– Три, – определился король Кейтор.

– Где это случилось?

– Бывшая Аллея света...

Даральд присвистнул, возвращаясь к осмотру. Ветхий город, на две трети состоявший из памятников старины и храмов, в которых никто не жил. Кроме королевского дворца и домов-замков некоторых высокопоставленных лордов, в самом Ветхом городе едва ли нашлось бы несколько домов, в которых обитало пять-шесть десятков человек. Ну, и еще эльфы, чье посольство находилось как раз в конце бывшей Аллеи света. Район достаточно безлюдный. Там время от времени до сих пор пропадали люди и их никто не искал – бесполезно.

– Там сейчас работает следственная бригада...

– Лорд делль Тирс?

– Он лично выехал на место происшествия.

Даральд только кивнул головой. Веймар делль Тирс был начальником Тайной службы, сменившим на этом посту ее создателя, лорда Дарлисса, когда тот несколько лет назад вышел в отставку. Ни у кого не было сомнений, кто станет новым главой любимого королевского департамента. Все знали, что если за расследование берется Веймар, преступник будет найден.

– Так. – Выпрямившись, Даральд решительно содрал с плеч камзол, бросил его на пол. – Выйдите все!

Королева Лиана жалобно всхлипнула. Сейлор и Клеймон, с двух сторон поддерживающие мать, взглянули на отца.

– Идите, – распорядился тот.

– А вы?

– Все выйдите! – процедил Даральд, вслед за камзолом срывая и отправляя на пол тунику. – Немедленно!

– Я тут посижу? Можно? – Кейтор заботливо прикрыл за семейством двери и поискал глазами кресло. – Я буду тихо сидеть, как мышка! Ну, можно? Можно? Можно, а?

– Ваше величество, не будьте ребенком, – вздохнул Даральд.

– Но это мой сын, дядюшка!

– Воо-о-он! – заорал Даральд, и короля Кейтора смело.

Дождавшись, пока за спиной хлопнет дверь – а пусть его неугомонное величество подсматривает в замочную скважину, все равно! – Даральд обнажил ритуальный кинжал, с которым не расставался днем и ночью, поскольку являлся дипломированным некромантом и был просто обязан носить при себе кое-что из атрибутов своей профессии. То, что он был еще и врачом, в данном случае не играло роли. Конечно, шестьдесят пять лет – это не шутка. Осталось всего четыре года...

Нет, уже три...

А хоть бы и два! Но этого мальчика назвали в его честь, и он должен попытаться еще раз...

Король Кейтор принадлежал к тому редкому типу людей, которым некуда девать энергию. Они до старости остаются такими живчиками, что кажется, способны вскочить из гроба и начать распоряжаться своими похоронами, если им взбредет в голову, что процессия идет к кладбищу недостаточно бодрым маршем.

Вот и сейчас его неугомонное величество стрельнуло глазами туда-сюда, явно не зная, чем себя занять – то ли побегать по потолку, то ли просто начать биться головой о стену.

– А вы чего стоите? – напустился он на семейство, которое выжидало в сторонке. – Дел никаких нет?.. Сейлор, живо дуй к лорду делль Тирс и добудь все сведения, какие он успел раскопать! Даже непроверенные и откровенно бредовые факты, мне нужна информация. Усек? Одна нога здесь, другая...

Средний принц стрелой выскочил вон.

– Лиана, – продолжал распоряжаться Кейтор, – займись помолвкой.

Королева как-то странно посмотрела на мужа, но спорить не стала.

– А ты, – палец короля уперся в нос младшего сына, – марш к себе в комнату и носа не смей оттуда показывать! Приду – проверю!

– Ну, папа, – немедленно заканючил принц Клеймон, – а можно я тоже буду за что-нибудь отвечать, а? Ну, можно? Можно? Можно, а?

– Нет, нет и еще раз нет! – вспылил отец. – Марш к себе, и не смей спорить, а то я за себя не отвечаю!

– И не надо! За вас, ваше величество, отвечать буду я, – послышался от входной двери спокойный женский голос.

Младший принц втянул голову в плечи и поспешил юркнуть прочь.

На пороге стояла девушка с холодными глазами, одетая нарочито скромно, словно и не была дочерью владетельного герцога Паннорского. Вежливо кивнув встретившейся на пути королеве, она прошла в покои короля. За нею по пятам следовал мужчина лет тридцати, тащивший саквояж и пожиравший девушку тоскливым взглядом безнадежно влюбленного. Ситуация усугублялась тем, что его, кажется, воспринимали всего-навсего как носильщика.

– Отец? – поинтересовалась девушка, подходя.

– Работает, – кивнул король. – Делла Исмираль...

– Я пока займусь вами, – промолвила старшая дочь Даральда Паннорского, приняла из рук мужчины саквояж и начала в нем копать. – Садитесь, ваше величество...

– Сесть я всегда успею, – нервно фыркнул король, на всякий случай поискав глазами окно, – а пока я лучше присяду...

– А вы абсолютно уверены, – делла Исмираль перебирала принесенные пузырьки, капая из некоторых в стакан по несколько капелек, – что вас не за что посадить?

Сопровождавший ее мужчина резко побледнел, но годы не изменили короля Кейтора, по крайней мере его характер.

– Нет у нас такого закона, чтоб меня посадить, – фыркнул он, подмигнув мужчине. – Во всяком случае, я такого закона не знаю!

– Незнание законов, – девушка не сводила глаз с пузырька, на глазок отмеряя капли, – не освобождает от ответственности.

– Зато знание – часто!

– Готово, – стакан с настойкой оказался в руке короля, – выпейте!

– Это не яд? Нет? – Кейтор понюхал содержимое с интересом естествоиспытателя.

– Нет, ваше величество, – Исмираль спокойно убирала пузырьки в саквояж, – если бы я хотела вас отравить, я бы нашла другой способ это сделать.

Мужчина задохнулся, услышав такие слова из уст девушки, но король Кейтор и бровью не повел. Собрав саквояж, старшая дочь лорда Даральда решительно взялась за ручку двери.

– А вы извольте подождать здесь! – осадил она сунувшихся следом мужчин.

– А что нам делать? – тут же воскликнул его нетерпеливое величество. – Я не могу сидеть сложа руки.

Делла Исмираль лишь дернула плечом и скрылась за дверями королевской спальни.

– Что, неужели она тебе нравится? – обратился Кейтор к ее спутнику, уставившемуся на дверь так, словно за нею скрылся смысл его жизни. – Ей скоро двадцать пять, и она не помышляет о замужестве!

Мужчина лишь опустил глаза. В присутствии короля он до сих пор чувствовал себя стесненно и не знал, как себя вести.

Ройдар делль Марс нечасто посещал столицу. Первый раз он приехал сюда с отцом шестнадцать лет назад, и повод для встречи с дальней родней был более чем нерадостный – в тот день должны были казнить королеву Гвельдис. Обычно королей и королев не судят простым судом, но дело осложнялось тем, что на супругу Клеймона Третьего в Тайной службе уже имелось толстое досье, собранное Веймаром делль Тирс в незапамятные времена. Кроме того, повод для казни был более чем весомый – королева обвинялась в убийстве собственной дочери от первого брака и покушении на жизнь самого короля. Она застала мужа в объятиях падчерицы и бросилась на них с кинжалом, успев нанести любовникам более десятка ран, прежде чем на крики сбежались слуги. Девушка умерла сразу, короля Клеймона лорду Даральду удалось вытащить с того света. Именно тогда и стало известно, что граф Гайрен делль Марс, отец Ройдара – на самом деле тоже принц крови, ибо последним желанием королевы была просьба нанести это семейство на генеалогическое древо династии. Гайрен, лишенный честолюбия деллы Гвельдис, отрекся от своих прав на престол в пользу принца Кейтора и его потомков, и с недавних пор он и его семья могли появляться в столице. Граф присутствовал при свадьбах всех трех своих племянниц – дочерей Гвельдис, рожденных ею от короля Клеймона. Собственно, отсутствие сына и послужило поводом для того, что король стал искать счастья на стороне. Ибо единственный мальчик, сын короля и Гвельдис, был по обету отдан ею после рождения в Дом Ящера. Не так давно стало известно о его смерти на Железных Островах.

В конечном счете, после того как младшая дочь Гвельдис стала женой Гайворона делль Орш, сына герцога Даральда, делать семейству делль Марс в Альмраале больше было нечего, но совершенно неожиданно сэра Ройдара нашел для себя повод задержаться в столице

подольше. Повод звался деллой Исмираль делль Орш, и, хотя девушка оставалась совершенно равнодушной к его знакам внимания, граф не терял надежды.

Некоторое время король Кейтор носился по комнате туда-сюда, невольно заставляя сэра Ройдара вздрагивать всякий раз, когда его величество внезапно меняло направление. Молодой человек уже дважды убрал с королевской траектории кресло и передвинул столик, а также успел в самый последний момент схватить своего сюзерена за локоть и таким образом не позволить ему врезаться лбом в стену.

– Нет, я так не могу! – Промчавшись мимо сэра Ройдара в очередной раз (Ройдар как раз в тот момент опять отодвинул кресло), король Кейтор с размаху в это кресло плюхнулся. – Что-то Веймара долго нет! А я не могу сидеть без дела... Слушай! – Он снизу вверх посмотрел на молодого графа. – А не трахнуть ли нам по маленькой? Врач, я думаю, против не будет?

Молодой человек неопределенно покачал головой, и Кейтор тут же заорал во все горло:

– Эй, есть кто живой? Вина мне!

– Чего вы орете? – в дверь просунулась голова деллы Исмираль. – Тут, между прочим, люди работают!

– Люди? А мы что – не люди? – всплеснул руками король. – Мы только хотели выпить... Кстати, как там дела?

– Если не будете мешать, пойдут еще лучше, – прошипела девушка, скрываясь за дверью.

По мнению сэра Ройдара, за такие слова ее как минимум должны были выслать из страны, но, видимо, его нестандартное величество как-то особенно расставлял приоритеты. Кейтор даже бровью не повел, но на вошедшего с подносом слугу набросился едва ли не с кулаками:

– Топают тут, как стадо уникорнов!⁵ А там люди работают!.. Давай сюда вино и живо вон отсюда, пока я добрый!

Король и граф только успели пригубить вино, как входные двери распахнулись, и в комнату шариком вкатился Веймар делль Тирс.

– О! – оживился Кейтор. – Быстро Сейлор обернулся...

– Принц Сейлор? – Толстяк дознаватель подкатился ближе и вынул бокал из руки короля, выхлебав его в три глотка. – Уф... Забегался... Не видел я его высочество! Наверное, мы с ним разминулись... А он точно должен был меня найти? А то я сразу с осмотра места происшествия отправился в департамент. Потом еще в храм Разрушителя, потом...

– Ну! – не выдержал король.

– Не «нукай» – не запряг! – откликнулся Веймар, вызвав у сэра Ройдара желание зарезаться на месте, ибо вместо того, чтобы рассердиться на такое обращение, его величество и ухом не повел, хотя и почесал за оным. – В общем, все по порядку...

Он поелозил в кресле, вытаскивая из-под себя папку, но, прежде чем успел начать читать, король Кейтор выхватил из нее листик и поднес к глазам. Потом отодвинул на вытянутых руках. Потом перевернул вверх тормашками и повторил процедуру. Потом попробовал развернуть листок поперек...

– Ничего не понимаю. Что это такое? «О. пр. пр.тим. пыр...»

– Да все понятно! – Веймар выхватил у короля лист. – «Осмотр места происшествия был произведен в темное время суток...»

– Короче! – взвыл король.

– Короче... э-э... в каком состоянии его высочество?

⁵ Уникорн – дальний родственник единорога. Отличается более крупным телосложением, большой массой и крайне агрессивным нравом. Плотояден.

– Не знаю. С ним сейчас дядюшка! Не уходи от ответа, Вей! Что ты узнал?

– Ничего хорошего, Кей, – резко помрачнел лорд делль Тирс, и сэр Ройдар бросил тоскливый взгляд в окно. По его мнению, с королями таким тоном не разговаривают. – Покушение на убийство. Твоего сына хотели убить.

– За что?

– Я сам желал бы это знать! Удар был нанесен в грудь острым колюще-режущим предметом, скорее всего, обычным кинжалом, который еще необходимо найти и осмотреть, поскольку представитель Дома Ящера обнаружил следы магического воздействия.

– То есть оружие было зачаровано?

– С большой долей вероятности – да!.. Тебе ничего не говорили о состоянии твоего сына?.. Ах да, если доставили сразу сюда, а не в городской морг...

Тут граф решил, что ночевать будет в камере предварительного заключения.

– Я ничего не слышал, – быстро сказал он, и две пары глаз посмотрели на него очень внимательно.

– Да ну тебя, – отмахнулся от него король. – Не мешай! Что ты этим хочешь сказать, Вей?

Сэр Ройдар понял, что он чего-то не понимает.

– Как? – воскликнул граф. – Вы меня не арестуете?

– За что?

– За... за разглашение... за то, что стал свидетелем... за...

– Некогда! – отмахнулся Кейтор. – У меня сына хотели убить, а тут ты под руку лезешь! Я жду ответа, Вей! Что ты этим хочешь сказать?

Сэр Ройдар понял, что терять уже все равно нечего, и сел на диван. Король, стоявший над душой развалившегося в кресле Веймара делль Тирса, этого даже не заметил.

– Только то, что я ничего не понимаю. Вопрос свидетелей пока ничего не дал. То есть свидетелей убийства не было – бывшая Аллея света потому и называется «бывшей», что там давно уже никто не прогуливается. Тьма – хоть глаз выколи! Зато и следы затоптать практически было некому... По этим следам удалось установить, что двое шли по этой так называемой Аллее света, потом один ударил ножом второго, какое-то время топтался вокруг тела, после чего значительно более твердой походкой направился прочь.

– Куда?

– В эльфийское посольство! – пожал плечами Веймар.

– Чего? Ну, это же элементарно! Считаю, убийство я тебе раскрыл, – отмахнулся Кейтор. – Мы сейчас поговорим с Карадором, и он...

– Кей, убийца – эльф! – воскликнул старший дознаватель. – Эльф! И неужели ты думаешь, что я уже там не побывал? Кей, Карадор тело и обнаружил...

– Да ну? – напрягся король.

– Да. По показаниям некоей леди Мидарель, представившейся его невестой, ночью он примчался взвинченный, перепачканный в крови и, едва перебросившись с нею парой слов, опять умчался, не сказав куда!

– Куда? – эхом повторил Кейтор.

– Я уже подумал об этом! – фыркнул Веймар и налил себе вина. – На всякий случай послал гонца в департамент – мало ли что? Все равно я собирался туда заглянуть перед тем, как ехать во дворец... И что бы ты думал? Карадор был там! В своем кабинете!

– Был? – подметил оговорку король.

– Угу. – Веймар сделал паузу, уполовинив бокал. – Когда к нему попытались войти и пригласить на беседу, он высадил окно и удрал по крышам теперь уже точно в неизвестном направлении. Во всяком случае, на сегодняшний момент о его местонахождении ничего не известно.

– Вот просто так удрал? И слова не сказал? – Заложив руки за спину, Кейтор прошелся туда-сюда. – Вей, я Карадора давно знаю. Он не мог так поступить!.. Хотя представляю себе твое «войти»! Небось человек десять взял в качестве сопровождения и окружил по всем правилам! Я бы тоже попытался сбежать.

– И тем не менее это факт! Я сам ничего не понимаю!

Сэр Ройдар мысленно с ним согласился.

Конец дискуссии положило появление деллы Исмираль, бережно поддерживающей своего отца. Лорд Даральд еле переставлял ноги, и король поспешил, наклонив кресло, вывалить из него недовольно вякнувшего Веймара, освобождая место для дяди.

Герцог Паннорский выглядел плохо. Его и без того седые волосы сейчас стали совершенно белыми, под глазами набрякли мешки, черты лица заострились. Он дышал с трудом и откинулся на спинку кресла, устало прикрыв глаза.

– Вина, – коротко бросила его дочь, принимаясь рыться в саквояже.

Сэр Ройдар сорвался с места и недолго думая выхватил недопитый бокал из рук старшего дознавателя. Исмираль поблагодарила кивком головы, откупоривая пузырек с каплями.

– Ну как, дядюшка? – поинтересовался Кейтор.

– Не дождетесь, – прошептал лорд Даральд, вслепую протягивая к дочери руку. Та вложила в нее бокал, и лорд-некромант залпом выпил смешанное с вином лекарство. Глаза его открылись, взгляд прояснился.

– Он будет жить?

– Еще лет пятьдесят, если ничего не случится. Хотя кое-кто сделал почти все, чтобы этого не произошло... Милорд, – Даральд скосил глаза на Веймара, – что вы выяснили по этому делу?

– Ну, – старший дознаватель сразу понял, что интересуется лорда-некроманта, – удар был нанесен колюще-режущим предметом, судя по всему кинжалом, в область сердца...

– Именно, что в область сердца, – поморщился лорд Даральд, жестом показывая дочери, что нужно налить еще вина, – а именно в левое легкое. Судя по всему, убийца стоял совсем близко от жертвы, практически вплотную, справа от принца...

– Это как? Вот так?

Сэр Ройдар не успел и трепыхнуться, как его неутомное величество буквально повис на нем, одной рукой обхватив шею, а другой обозначая удар в грудь.

– Именно! Остается только удивляться, как в таком состоянии он умудрился промахнуться и не попасть в сердце! А так кинжал лишь распорол легкое, что тоже опасно для жизни, но несмертельно...

– Как – несмертельно? – всплеснул руками король, при этом едва не придушив графа, на котором до сих пор почти висел. – Значит, мой сын...

– Ваше величество, – поскольку его дочь стояла столбом, лорд Даральд сам потянулся налить себе вина, – смерть может наступить от нескольких причин. И удар в сердце – лишь одна из них. Принц должен был умереть от потери крови. Его спасло то, что в момент удара он был мертвецки пьян и не стал метаться туда-сюда и закатывать истерику, что усилило бы сердцебиение и участило пульс. Ваш сын просто-напросто заснул, а во сне все жизненные процессы замедляются. Так что его спасло его опьянение, железное здоровье...

– И родственник-некромант, – мрачно пошутил король.

Веймар не принимал участия в дискуссии – все это время старший дознаватель что-то подсчитывал на пальцах, прикидывая так и эдак, и несколько раз для пробы взмахнул рукой.

– Ничего не понимаю, – признался он наконец. – С такого расстояния Карадор не должен был промахнуться!

– Вей, а как насчет состояния? Если он тоже того... ну выпил? – развернулся к нему Кейтор. – Да и не верю я, что это сделал эльф!

Прижавшись к дереву, он смотрел, как работает следственная бригада. Несколько человек ходили вокруг места, на котором некоторое время назад обнаружили окровавленное тело без признаков жизни. Брызжущий энергией седоголовый толстяк сам едва ли не на четвереньках ползал по примятой траве, отдавал какие-то приказы, а потом начинал что-то строить вкривь и вкось на бумажке, пристроенной на колено.

На Фрозинтара, стоявшего буквально в десяти шагах от места происшествия, никто не обращал внимания. Наемник, если надо для дела, мог легко становиться невидимым и незаметным. Вот и сейчас он, поигрывая своим кинжалом, совершенно спокойно наблюдал за людьми, оставаясь на месте до тех пор, пока следственная бригада не закончила свои дела и не покинула бывшую Аллею света. Только тогда он отлепился от дерева и спокойно зашагал прочь. Он сделал только полдела, его собственная роль в этой истории еще не была сыграна, и требовалось занять место, чтобы не пропустить свой выход.

...А когда дело будет сделано, он сможет уйти на покой!

Дом Ящера – так назывались монастырь и храмовая школа при нем – просыпался рано, но Келлегор все равно вскочил задолго до пробудки.

Собственно, он не спал практически всю ночь. Сначала долго ворочался на узкой жесткой койке, потом несколько раз засыпал, но пробуждался буквально через четверть часа и снова долго лежал, уставившись взглядом в потолок. В конце концов, не выдержав, подросток вскочил и, одевшись, стал мерить шагами узкую келью.

Последние полгода старший сын лорда Даральда делль Орш, Келлегор-полукровка, прожил в Доме Ящера при храме Разрушителя, стажирясь для того, чтобы по окончании этого срока ему разрешили заниматься на территории Великой Паннории целительством и некромантией. Даральд сам обучал сына основам своего ремесла, но некоторые знания можно было приобрести только здесь. И именно в Доме Ящера он должен был получить сертификат, подтверждающий право называться врачом.

Восемь лет Келлегор прожил в Великой Паннории вместе со своим отцом-человеком и его семьей. Сначала было трудно – делла Хельга делль Орш, жена отца, не хотела признавать внебрачного сына своего мужа, ведь по законам Радужного Архипелага именно на матери Келлегора и должен был жениться Даральд. Из-за этого мальчишки она чуть было не потеряла мужа. Лишь искренняя любовь юного полукровка к новой родне помогла растопить начавший намерзать ледок. Сама делла Хельга все-таки не смогла всерьез привязаться к нему, но ее дети с радостью приняли нового брата.

Несмотря на возраст (свой тридцать третий день рождения Келлегор отметил в этих стенах), никто бы не дал ему больше пятнадцати. Внешне подросток был типичным эльфом – разве что с темными волосами и темно-кариими глазами, что большая редкость для обычно зеленоглазых полукровок. Когда он был совсем маленьким, его глаза имели другой цвет, черный, но несколько раз менялись, пока не определились с цветом окончательно. Как ни странно, темные волосы и глаза очень ему шли. Подросток был настолько красив, что в храме ему уже несколько раз приходилось обороняться от посягательств других «ящеров» – Разрушитель поощрял в своих последователях однополую любовь. Спасало еще и то, что он являлся стажером и однажды должен был покинуть храм навсегда.

Он же являлся единственным стажером в Доме Ящера, не брившим череп, как того требовали обычаи, – родственные связи с династией Паннорской и эльфийская кровь в жилах давали ему такое преимущество. Но в остальном Келлегор подчинялся строгому уставу Дома. Ему предстояло прожить здесь еще полтора месяца, пока не сдаст экзамены. Лишь сегодняшний день должен был стать исключением из правила – день помолвки его младшей сестры, деллы Дисаны, и наследника престола, будущего короля Даральда Первого. Более

полугода не видевший никого из семьи, Келлегор находился в состоянии радостного предвкушения. Он любил свою человеческую родню.

За ним должны были прийти сразу после третьего удара гонга, чтобы сначала отвести в замок герцогов Паннорских, а уже потом – во дворец на празднование. Но практически сразу после второго гонга к нему подошел один из братьев-«ящеров».

– Следуйте за мной, – тихо прошепелестел его бесплотный голос.

Невольно поддернув хламиду, в которой ходил со дня своего появления здесь, Келлегор последовал за проводником.

Недоброе предчувствие сжало сердце, когда он увидел сидевшего в приемном зале отца. Лорд Даральд осунулся и постарел, словно со дня их разлуки прошло не шесть с половиной месяцев, а десять лет. В его ауре подросток уловил слабые отголоски магических эманаций.

– Отец! – Келлегор бросился к герцогу, упал перед сидящим на колени. – Что случилось? Вы опять? Но почему? Вы разве не знаете, сколько лет вам осталось?

– Знаю, – Даральд погладил сына по голове, – три года.

– Так мало? – горестно вскрикнул Келлегор.

– Для таких, как ты, – да. Но я прожил хорошую жизнь. Мне не страшно уходить за *Черту!* Тем более что я туда уже несколько раз ходил, и меня должны встретить как родного, – усмехнулся он.

– Но неужели нельзя было обойтись без этого? Опять кого-то воскрешать, опять отдавать годы своей жизни в обмен на чужие...

– Я обязан был это сделать, Келлегор. На кону стояло счастье твоей сестры...

В раскосых глазах полукровки вспыхнул огонь.

– Я за тобой, сынок. – Даральд встал, с усилием опираясь на трость, которую ему доставили из дома. – Этой ночью случилось кое-что серьезное. У твоего дяди большие неприятности. Пойдем. Все расскажу по дороге!

Трое мужчин и подросток смотрели на кинжал, лежащий на столе. Старший из них протянул руку и провел ладонью над обнаженным лезвием.

– Да, – промолвил он, – этот кинжал побывал в ране...

– Где его нашли, Веймар? – встрепенулся король.

– В кустах, примерно в паре саженей от места преступления. Там был небольшой бочажок с водой. Кинжал валялся на самом краю. Вода большей частью смыла кровь...

– Как он мог? – покачал головой Кейтор.

– Погодите, ваше величество. – Лорд Даральд снова провел рукой над кинжалом, после чего уступил место своему сыну. Келлегор повторил его жест и кивнул, безмолвно соглашаясь с отцом. – Я еще не все сказал!.. Да, этот кинжал побывал в ране, но на нем нет следов остаточной магии!

– Что?

– Магия, – поморщился Даральд. – На том кинжале, которым была нанесена смертельная рана, имелись какие-то чары. Их след остался в ране – я почувствовал их, когда занимался с принцем. Но этот кинжал чист! Одно из двух – либо чары с него сняли после убийства, но до того, как его обнаружила следственная бригада, либо настоящее оружие убийства находится где-то еще, а это было использовано для отвода глаз!

– Вот видишь, Веймар, – обрадованно воскликнул Кейтор, – Карадор ни в чем не виноват!.. Но погодите, тогда получается, что... Я ничего не понимаю! Но хочу понять все!

Оставшись один, король Кейтор какое-то время бесцельно кружил по кабинету. Бурлящая энергия требовала выхода. Его величество и в молодости не мог долго сидеть без дела, а теперь и подавно. Получалось, что на одной чаше весов лежала жизнь сына, а на

другой – старая дружба. Трудно было представить себе, чтобы Карадор, весельчак, балагур и оптимист, с готовностью высказавший желание принять паннорское гражданство и осесть в этой стране навсегда, решился на убийство наследника престола. Конечно, можно возразить, что он расчищал место для своего племянника, Келлегора-полукровки, который по мужской линии тоже являлся представителем правящей династии, но ведь Проклятие было снято двадцать восемь лет назад! Тогда что же произошло?

Ответ мог дать только сам Карадор, но проблема состояла в том, что эльфа нигде не могли найти. Веймар делль Тирс разослал ориентировки по всем городским заставам, поднял на ноги королевскую гвардию и Тайную службу. Несколько сотен вооруженных до зубов мужчин сейчас прочесывали Альмирааль сверху донизу. Старший дознаватель разослал приказы всей агентуре на местах, чтобы выдали местонахождение Карадора, пообещав криминальным элементам сквозь пальцы отнестись к их деятельности, если те помогут установить, где прячется эльф. Но пока результатов не было.

Тихо скрипнула дверь. Кейтор круто обернулся, во все глаза уставился на темноволосого, бледного до синевы незнакомца, колет которого был так густо усыпан серебряными нашивками и бляшками, что больше напоминал чешуйчатый панцирь. Королю понадобилось несколько секунд для того, чтобы осознать две вещи: первое – что перед ним стоит незнакомый эльф слишком высокого для этой расы роста и мощного телосложения. И второе...

– Как вы вошли? – воинственно вздернул подбородок его величество.

– Как все, через д-дверь. – Фрозинтар осторожно прикрыл за собой створки. – У меня н-нет привычки просачиваться сквозь стены или сваливаться с п-потолка...

– Я имею в виду другое!

– Д-дворец на осадном положении? Понимаю, – кивнул наемник. – Но для того, кто ясно видит цель, н-нет преград... У вас проблемы. Я готов п-помочь их осуществлению.

– Что?

– М-мне стало известно, что вы объявили в розыск одного м-моего соотечественника... Н-не спрашивайте, как я это узнал, – только что на площади д-довольно громко и четко зачитали объявление... Так вот, п-по странной случайности я немного знаю К-карадора, во всяком случае при встрече н-не перепутаю его с кем бы то ни было еще. Хочу с-сказать, что ваши люди могут искать его хоть до конца света и так н-ничего не найдут!

– Это почему? Вы не знаете нашу агентуру...

– Которая с-сама не знает, с кем ей предстоит иметь дело, – мягко улыбнулся Фрозинтар. Взгляд его постоянно скользил по окружающим предметам, не давая королю Кейтору посмотреть ему в глаза. – В-ваше величество, искать эльфа в городе, п-построенном его соотечественниками, – это безнадежно! Но я это сделаю!

– Почему?

– С-скажем так, – наемник прошелся по кабинету мягким кошачьим шагом, – в эльфийском г-городе только эльф может найти другого эльфа.

– Я не об этом! Почему вы вообще предложили свои услуги? Из посольства пока никто не приезжал! Кроме этой леди Мидарель, которая...

– Я ее видел, к-когда шел сюда, – с усмешкой перебил Фрозинтар. – Она у вас что, жить устроилась в п-приемной?

Кейтор фыркнул, вспомнив недолгую беседу с «невестой Карадора».

– Она переживает...

– Н-не беспокойтесь на ее счет. Эта особа всех нас переживет!

– Я имею в виду совсем иное. Почему вы, эльф, собираетесь охотиться на своего соотечественника?

Фрозинтар перестал кружить по кабинету и впервые взглянул на короля. И Кейтору почему-то стало немного жутко от его пристального взгляда.

– С-скажем так, – произнес он, – это моя работа. Сейчас я в-временно не у дел. И готов предложить вашей короне с-свои услуги в обмен на совершенно символическую плату.

– Сколько?

Наемник пожал плечами:

– М-меня устроит любая сумма. Г-главное для меня – не деньги, а идея!

– Только хочу сразу вас предупредить, что я не считаю Карадора виновным! – воинственно заявил Кейтор. – Он мой старый друг, и я убежден, что...

– Я вас п-понимаю. – Фрозинтар раскланялся. – Карадор будет доставлен вам для доверительной беседы, не более... Однако учтите, что я работаю один. П-прикажите людям прекратить преследование эльфа. Они будут т-только путаться у меня под ногами!

Через несколько минут, выходя из королевского кабинета, Фрозинтар чувствовал себя почти счастливым.

Если бы у Карадора спросили, где он сейчас находится, бывший наследник Наместника Аметистового Острова, конечно, нашел бы слова для описания своего местопребывания, но проблема состояла в том, что все эти слова были непечатными и для произнесения в приличном обществе не годились.

– Вот влип! – констатировал он, исчерпав весь свой запас крепких выражений. – И что теперь делать?

Сложность и двусмысленность ситуации заключались в том, что Карадор действительно влип – в самом прямом смысле этого слова. Немного подергавшись для верности, он убедился, что застрял всерьез и надолго.

Наемник Фрозинтар был прав, когда утверждал, что в городе, построенном эльфами, именно эльфу и прятаться. Эти катакомбы Карадор заметил еще в позапрошлом году, когда проверял заброшенные особняки на предмет организации в них незаконных гладиаторских боев, где в качестве гладиаторов часто использовались невольники-эльфы. Некоторых таких бывших рабов потом удалось конфисковать и вернуть на родину. Прочесывая заброшенную часть Ветхого города (а вдруг устроители боев оборудовали склад, где содержали гладиаторов!), Карадор и наткнулся на этот подземный ход. Время не пощадило его, ход был завален более чем наполовину. Никто в здравом уме и твердой памяти не стал бы рисковать жизнью и соваться туда, где потолок угрожающе трещит и вот-вот может обрушиться на головы. Но для беглеца это оказалось самым подходящим убежищем.

То есть подходящим оно казалось до недавнего момента.

Конечно, в обычное время Карадор ни за что бы сюда не полез, но отчаянное положение требует отчаянных действий. Бывший наследник Аметистовый понимал, что его подставили, – несколько лет работы в Тайной службе научили эльфа многому. И сейчас он знал, что надо делать, – он должен был как-то доказать свою невиновность, отыскав настоящего убийцу. Но сделать это, сидя под замком в подвалах Тайной службы, крайне затруднительно. Следовательно, Карадор должен был остаться на свободе и хорошенько поразмыслить, с чего начинать собственное расследование.

От входа в катакомбы лился слабый свет, но чем дальше, тем темнее становилось вокруг. Шагов через пятьдесят пришлось подключить ночное зрение, а за вторым поворотом расстаться и с ним, дальше пробираться пришлось наощупь.

Этот ход явно не был предназначен для того, чтобы по нему ходили люди или эльфы, – неровности пола, стен и потолка красноречиво свидетельствовали об этом. Карадору приходилось выверять каждый шаг, ощупывая свободное пространство руками. Несколько раз его пальцы натыкались на что-то неприятное – не то спутанный полуразложившийся мох, не то слизь. Пахло сыростью, гнилью, плесенью и сладковатым запахом гниющей плоти –

где-то рядом наверняка валялся относительно свежий труп. Кто-то, видимо, забрел сюда до него, да так и остался валяться среди камней.

«Вот будет здорово, если я обнаружу-таки тайный схрон невольников-гладиаторов! – мрачно подумал он. – После случая с Данкором Коралловым они как в воду канули!»

Постепенно, однако, стало чуть светлее – слабое зеленоватое свечение разливалось от каких-то гнилушек, прилепившихся к стенам. Их неверного света вполне хватало эльфу для того, чтобы осмотреться и понять, что он слегка заблудился.

Эти места для людей являлись легендарными, про них рассказывали сказки и страшные истории, считали их плодом воображения. Но для эльфов это была суровая реальность...

Еще пять тысяч лет назад Альмирааль считался столицей эльфийского государства. Основан он был в седой древности, когда люди еще только научились обрабатывать землю и приручать животных. Но примерно семь с половиной тысяч лет назад началось очередное потепление – климат быстро менялся, подходящих для жизни мест становилось все больше. Быстро размножающиеся люди захватывали все новые территории, активно контактировали с эльфами, орками и альфарами, перенимая у них ремесла и науки, и так же быстро развивались. В конце концов в Альмираале людей стало больше, чем эльфов, и при короле Галаоре Втором, отце Торандира Последнего, эльфы, уйдя на север, уступили город людям. Новая столица, находившаяся в сердце Золотого Острова⁶, уже несколько столетий назад была отстроена, так что переселение произошло без проблем. Хозяевами Альмираала стали люди.

Но до людей и даже до эльфов у этих мест были другие хозяева. Равнинные гномы, дальние родичи альфаров, владели холмами, на которых был построен первый Альмирааль. Пришедшие сюда вместе с Эниссель Объединительницей эльфы изгнали равнинных гномов под холмы, когда выбирали место для столицы. Вынужденные жить в подземельях, равнинные гномы выродились в одну из рас подземников, и их потомки до сих пор обитали в катакомбах под Ветхим городом. С некоторых пор долго не подававшие о себе вестей жители подземелий осмелели. Они начали по ночам выходить на поверхность и нападать на одиноких путников. Питались подземники всем, что только может быть съедобным, не брезгуя и телами своих умерших собратьев. Их нападения послужили одной из причин того, что Ветхий город был оставлен большей частью жителей – не у всех имелись прочная ограда и вооруженная охрана для защиты от возникающих ниоткуда бледнокожих людоедов. На них давно надо было организовать облаву, но лазанье без разведки и проводников по запутанным подземельям наверняка не дало бы результатов. Да еще и кто-нибудь из «карателей» мог заблудиться!

Зато и беглеца здесь уже точно никто не отыскал бы. Хотя бы потому, что никто точно не знал, где расположены входы-выходы подземников.

– Найти бы мне самому выход отсюда, – пробормотал Карадор, пробираясь вдоль стены туннеля. Одной рукой он касался неровных камней, другую держал чуть впереди, ощупывая пространство.

Шагов через сорок света от лишайников и плесени оказалось столько, что беглец понял, что впрямь попал на занятую подземниками территорию. Так сказать, человеческая часть подземелий представляла собой остатки эльфийской канализации – с водостоками, каналами для сбора нечистот и довольно ровными стенами и полом. Она даже слагалась в целые улицы с уцелевшими фундаментами старинных зданий. Здесь же располагались натуральные пещеры, прорытые самой природой и населенные многочисленными существами.

⁶ Золотой Остров – четырнадцатый Остров Радужного Архипелага, существует лишь номинально. На современных картах Архипелага в этом месте рисуют белое пятно, лишь схематично отмечая синими черточками реки и кружочком – развалины столицы.

Плесень, лишайники и грибы причудливой формы, многие из которых светились в темноте, покрывали неровные стены и длинными лохматыми прядями свешивались с потолка, задевая Карадора по лицу. Пол устилала шкурки мокриц, лопнувшие куколки пещерных комариков и прочие останки многочисленных насекомых, которые сновали там и тут. Какая-то семейка грибов, ростом достававшая эльфу до колена, перегородила туннель. Грибы энергично зашевелились, когда незваный гость подошел поближе. Из-под шляпок облачками полетели сиреневые споры, и Карадор попятился, ища обходные пути. Под каблук попало что-то живое, шарахнулось во мрак с отчаянным визгом. Еще несколько минут спустя он наткнулся на трех толстых крыс с белой редкой шерстью. Сидя кружком, они закусывали телом какого-то существа, явно забредшего с поверхности. Судя по остаткам шерсти и черепу, существо прежде было собакой. Не переставая жевать, крысы обернулись и одарили эльфа такими взглядами, что Карадор сразу вспомнил истории, которые ему в детстве рассказывала нянька про разумных крыс кушениров.

– Извините, – пробормотал эльф. – А как пройти в библиотеку?

Крысы переглянулись с таким видом, словно обменивались мыслями. Потом одна из них встала и не спеша зашаркала лапами прочь. Длинный, почти с локоть⁷ взрослого человека, хвост ее волочился по земле.

– Это туда? – поинтересовался Карадор у ее оставшихся товарок. Крысы опять переглянулись и разве что лапами у виска не покрутили.

– Понял, не дурак! – закивал эльф. – Был бы дурак – не понял бы!

И потрусил за странным проводником.

Пройдя несколько шагов, крыса обернулась и увидела, что за нею идет эльф. Она вздрогнула и со всех лап ринулась прочь. Эльф надал ходу, но за первым же поворотом тварь исчезла, растворившись в какой-то щели, а беглец оказался предоставлен сам себе.

– Тьфу ты, гоблин! – энергично высказался Карадор. – Полупроводник какой-то... Ну, ничего! Сам как-нибудь дорогу найду. Главное – не напороться на подземников!

Встречи с коренными обитателями этих нор действительно стоило избегать хотя бы потому, что в отличие от тех же крыс, они сразу захотели бы им пообедать.

Когда-то у равнинных гномов, которые тогда назывались по-другому, были своя цивилизация, своя история и культура. Но цивилизации приходят и уходят. Некоторые ученые утверждают, что и эльфы тоже скоро начнут вымирать – за пять тысяч лет территория их страны уменьшилась почти втрое, численность населения подорвана ведущимися последние века войнами, они уже утратили некоторые науки и искусства, в том числе многое забыли в магии, а количество полукровок среди Перворожденных увеличивалось с каждым поколением. Находились и такие, кто утверждал, что завоевание Радужного Архипелага орками и образование Империи Ирч вместо существовавших еще десять лет назад Земли Ирч и Радужного Архипелага и есть начало конца. И что рано или поздно, но чистокровные эльфы вымрут, уступив место помесям с орками и людьми, – уже сейчас каждый двенадцатый эльф несет в себе примесь человеческой, орочьей или альфарьей крови. Тогда им на смену могут прийти другие разумные расы.

Так или не так, но спорить с тем, что цивилизации сменяют одна другую, не приходилось. Вот и равнинные гномы выродились в подземников, которые с течением веков забыли, кто они и откуда.

Карадор подумал об этом, когда стены внезапно раздались в стороны и он оказался на пороге довольно просторной пещеры.

Нашлепки светящегося лишайника озаряли лишь ее часть – высокий полоток и дальняя стена пропадали во мраке, но то, что когда-то это был большой рукотворный зал, сомнений

⁷ Здесь: мера длины, равная примерно сорока сантиметрам.

не вызывало – стоило взглянуть на концентрические круги колонн, поддерживающих своды. Наверное, на заре своего переселения под землю подземники именно тут устраивали собрания. Возможно, тут они молились своим богам – в центре можно было различить какую-то глыбу странной формы.

– Не, пойду-ка я отсюда, – вслух подумал Карадор, решив, что устраивать свою лежку в таком месте опасно для жизни и здоровья.

Из пещеры вело несколько выходов. Не раздумывая, эльф нырнул в ближайший.

И шагов через тридцать понял, что влип.

Сначала прилипла подошва сапога. Споткнувшись, Карадор наклонился, чтобы рассмотреть, что же не пускает ногу. Светящегося лишайника тут было мало, но глаза успели как-то привыкнуть к полумраку, и он смог рассмотреть, что пол покрыт паутиной из толстых лохматых нитей, протянувшихся во всех направлениях и без какой-то системы.

Пока эльф изучал это образование и размышлял, как отодрать сапог, что-то дотронулось до колена его второй ноги. Всмотревшись, Карадор заметил еще одну лохматую нить, которая, как живая, подползла и успела обвить ногу.

Выругавшись, эльф рывком сдернул ее с колена. Ногу он освободил, но нить прилипла к руке.

В течение следующих нескольких минут Карадор усиленно старался отлепить нить от своих пальцев. Он тряс рукой, пробовал вытирать ее о камни и одежду, даже задействовал вторую руку, но это привело лишь к тому, что нить последовательно прилипла к обеим его кистям, локтям и подолу короткого плаща. Пытаясь как-то порвать ее – не может же она растягиваться вечно! – эльф попытался сделать шаг назад, но споткнулся обо что-то и рухнул на спину. А подняться уже не смог, угодив как раз в скопление этих липких нитей.

Вот тут-то он и вспомнил все известные ему матерные выражения.

Отыскать следы беглеца оказалось не так трудно, как он думал сначала. Фрозинтар пересекся с ними совершенно случайно, когда направлялся из королевского дворца в Старый город, чтобы начать поиски с того места, где Карадора видели в последний раз, – от зданий Тайной службы. Лишь благодаря особым свойствам своего организма наемник учуял тонкую ниточку следа и, не обращая внимания на прохожих, шлепнулся на четвереньки. Впрочем, на улочках Ветхого города никогда не было оживленного движения, и можно было не беспокоиться, что ему наступят на руку.

Проползши какое-то расстояние, наемник убедился, что след взят прочно, после чего выпрямился и продолжил путь на своих двоих.

Пустоту под старым зданием, где лишь чудом на окнах сохранились цветные витражи, он почувствовал, не доходя нескольких шагов, и сразу понял, куда скрылся Карадор. Как все-таки предсказуемы эти беглецы! Всегда стараются забиться в укромные уголки и отсидеться, не понимая того, что эти схроны вполне могут оказаться ловушками или тупиками, откуда нет выхода.

Немного напрягало другое – то, что эльф полез *под землю*. Скорее такого поведения можно ожидать от орка или, на худой конец, человека. Но эльфы, несмотря на то что отлично видят в темноте, опасаются пещер. А тем более если это пещеры, населенные подземниками...

Впрочем, у Фрозинтара было перед своей жертвой одно преимущество. Но по ряду причин обнаружить его наемник не собирался.

Постояв немного возле стены того дома, из подвала которого Карадор шагнул в катакомбы подземников, Фро спокойно двинулся дальше по улице. Если он еще что-то помнил, здесь поблизости должен был быть выход на поверхность. По крайней мере он там находился *в те* годы, когда Фрозинтар посетил город в последний раз.

Придумать, как ему освободиться, Карадор не успел – катакомбы ожили.

Строитель ловушки – а должен же был кто-то разложить на полу эти липкие нити – никак не спешил обнаруживать свое присутствие. Уж казалось бы, не заметить отчаянно пытающегося освободиться эльфа невозможно. Так нет же! Прошло больше часа после того, как прочно прилипший к полу Карадор прекратил сопротивление, а никто так и не появился в туннеле, чтобы узнать, что сегодня подано на обед.

Обед... при одной мысли об этом в животе самого эльфа послышалось бурчание. Он нормально не ел со вчерашнего дня – утром и днем было не до того, а сейчас и подавно. Вдобавок ко всему хотелось пить.

– Э-эй, есть тут кто? – подергавшись еще немного для очистки совести, воззвал он в темноту. – Найдите меня кто-нибудь!

– Бу-удь... бу-удь... – умчалось вдаль эхо.

– А то мне тут скучно! – продолжал болтать Карадор. – Грязно, мокро, липко и противно!

Проползавшее мимо существо, которое отличалось от шмяка болотного наличием панциря, подняло на стебельках два глаза и воззрилось на крикуна с явным осуждением. «Да, грязно! Да, мокро, – читалось в его взоре. – Да, райончик расположен на отшибе... Но я здесь живу!»

– Извините, – сказал ему эльф. – Но раньше я жил в другом месте. Там было немного э-э... почище!

Существо как-то двусмысленно покачало глазами на стебельках и поползло дальше, оставляя позади полосу слизи.

– Вот так всегда, – вслед ему высказался Карадор. – Сначала загадим все вокруг, а потом кричим, что живем на помойке.

Существо, похожее на шмяка, ничего ему не ответило – к тому времени оно уже скрылось за углом.

Внезапно Карадор буквально почувствовал, что он тут не один.

– Ну наконец-то! – воскликнул, пытаясь всплеснуть слипшимися руками. – Хоть одна живая душа! А то я уже соскучиться успел!.. Вы представляете, я...

Копье практически уперлось ему в нос, и эльф проглотил все слова, которые собирался сказать.

Подобравшись так незаметно, что даже острое зрение не помогло обнаружить их вовремя, шестеро подземников окружили незадачливого беглеца, наставили на него самодельные копья. Сделаны они были из палок с прикрученными к ним каменными или железными наконечниками, явно подобранными где придется, поскольку все копья выглядели по-разному.

– А вы знаете, – осторожно произнес Карадор, незаметно пытаясь отодвинуться от одного такого слегка кривого острия, упершегося ему почти в лицо, – что если поцарапаться такой ржавой штукой, вполне можно заработать зараже... ой! Я пошутил, – воскликнул он, когда другой наконечник чувствительно ткнулся ему под ребра. – Все-все, молчу!

Какое-то время подземники совещались, переговариваясь на незнакомом элфу языке. Потом двое остались возле него, а остальные затопали куда-то прочь, растворившись во тьме.

– А куда они пошли? – тут же поинтересовался Карадор. – За подмогой или...

Он опять замолчал, когда уже два копья кольнули его в бока.

Несколько минут ничего не происходило, потом из темноты одна за другой стали появляться бледные худощавые жилистые фигуры.

Выродившиеся равнинные гномы совсем не походили на своих сородичей – темных и светлых альфаров. Больше общего у них было с цвергами, другой многочисленной подземной расой – те же бледные худые тела, лишенные волос. Те же большие уши и выпученные светлые глаза, то же явное уродство как следствие близкородственного размножения. Но если цверги являлись мирным народом, боялись всех и вся, то напавшие на Карадора буквально излучали агрессию. И еще – голод.

Их было десятка два, судя по внешним признакам, тут наличествовали мужчины, женщины и подростки. Подземники совершенно не стеснялись своей наготы – деградация зашла слишком далеко, – лишь некоторые таскали на себе что-то вроде хламид, сделанных из грязных то ли шкур, то ли обрывков подобранных где-то тряпок. Их оружие представляло собой тоже нечто найденное в развалинах – к палкам были кое-как прикручены ржавые ножи и какие-то потерявшие первоначальный облик и потому не поддававшиеся описанию железяки. Переговариваясь между собой на непонятном языке, состоящем из отрывистых гортанных звуков, подземники стали окружать распростертого на полу эльфа.

– Э-эй, вы чего? – заторопился тот. – Вы меня что, есть собрались? Вот прямо так, сырым?.. Нет, не хочу! И вам не советую! Не то чтобы я был таким уж невкусным, но сырое мясо вредно для организма! В нем всякие черви могут водиться... глисты опять-таки... Ой, то есть я хочу сказать, что лично у меня никаких глистов нету, но... Ну, вы меня поняли? Вредно сырое! Оно и переваривается хуже... А у вас всех такой нездоровый вид, что мне просто жалко ваши бедные желудки! Несварением страдать будете – это уж точно!

Подземники остановились, стали переглядываться между собой.

– Остановитесь, пока не поздно! – взял Карадор тоном выше. – Я же о вас забочусь, придурки эдакие! Нет, ну что за народ пошел! – Он патетически закатил глаза. – Никакого понятия о культуре приема пищи! Совершенные дикари!.. Впрочем, дикари ведут себя разумнее. У них хоть какие-то ритуалы есть, а вы... Тьфу!

– Что... ты... хочешь? – неожиданно проскрипел один из подземников.

– Ну, хвала всем богам и героям этого мира! – обрадованно взвизгнул Карадор, рванувшись из липких нитей. – Хоть одно разумное существо!.. Очень приятно побеседовать с умным... э-э... с представителем разумной расы! Как вас зовут? Я – Карадор. Карадор Шутник, если не слышали! Запишите себе название...

– За... – слова человеческой речи явно давались подземникам с трудом, – за-чем?

– Как это «зачем»? – закатил глаза эльф. – Для меню! Вы же меня есть собрались, так? А что это за еда, когда сам не знаешь, чего ешь? Так и отравиться недолго, особенно если будешь тянуть в рот всякую гадость... Э-эй, ты чего? Положи на место! Фу! Плюнь бяку! – Реплика Карадора относилась к какому-то подростку, который от нечего делать отковыривал со стены плесень и, скатав в комочки, по одному отправлял их в рот. – Ну, чего вы стоите и смотрите? Мамаша, вы только гляньте, что ваше чадо тянет в рот! Вы уверены, что это вообще съедобно? Он не отравится, нет? Можно тогда и мне кусочек, а? С утра ничего не ел, аж голова кружится...

Подземники переглянулись со странными выражениями лиц.

– Что... ты... хочешь? – опять проскрипел один из них.

– Много чего, – замотал головой Карадор. – Но, как верно подмечено кем-то весьма мудрым: «Много хочешь – мало получишь!» Поэтому я всего-навсего хочу, чтобы меня съели цивилизованно. То есть не сырым, а вареным. В котле... Чтоб огонь горел, всякие там травки-приправки были брошены... Вы вообще имеете хоть какое-то понятие о культуре приема пищи? А кулинарные книги у вас есть? Могу пару рецептиков подсказать. Они не такие сложные, любая, даже самая косорукая домохозяйка по ним может приготовить... Нет! Стоп! Осади назад!

Потерявшие терпение подземники стеной надвинулись на него.

И вот тут Карадор Аметистовый поверил, что его все-таки будут есть.

Глава 3

Вообще-то Фрозинтар не собирался никого спасать.

Наемник пробрался в катакомбы по следам беглеца Карадора, уже будучи убежденным, что ему останется лишь добыть доказательства его смерти, ибо был лучше, чем кто бы то ни было из его соотечественников, осведомлен о том, какую опасность на самом деле представляли выродившиеся потомки равнинных гномов.

Собственно, у Фрозинтара имелось лишь два выхода – либо убедиться, что Карадор Шутник нашел здесь свою смерть, либо выудить его и доставить к королю Кейтору для суда и расправы. Но король не лгал, когда говорил, что не верит в виновность беглеца. Значит, с большой долей вероятности можно предположить, что Карадора не казнят за покушение на жизнь принца крови и наследника престола. В крайнем случае, ему устроят многолетнее тюремное заключение. Это усложнит дело, ведь Фрозинтара посылали именно за смертью бывшего наследника Аметистового – но кто сказал, что наемник любил простые дела?

Издалека эхо донесло отголоски какого-то шума.

В катакомбах подземной части Альмраала нельзя шуметь – это может привлечь внимание подземников. Но кто-то орал благим матом, надрываясь до визга, и Фрозинтар невольно свернул в ту сторону.

Когда надо, наемник мог двигаться совершенно бесшумно. Сейчас он приблизился к подземникам, не замеченный никем.

Острое зрение и слух заранее подсказали ему, что тут произойдет, и, делая последние шаги, Фрозинтар успел как следует обдумать, что предпринять дальше.

Карадора Шутника он узнал сразу, по запаху – раз взяв след, уже трудно было его потерять. Легкая улыбка тронула бледные губы эльфа – судя по всему, подземники собирались пообедать попавшим в ловушку беглецом. Все складывалось как нельзя лучше – надо было лишь дождаться, пока они убьют и разделают добычу, а потом забрать себе голову и предъявить ее для опознания лорду Наместнику. И пусть король Кейтор не дожидается старого друга – в конце концов, Фрозинтар работает не на него. Та символическая плата в сотню серебряных подковок, которую ему отсыпал лорд-казначей, была лишь авансом. Он честно предупредил, что могут быть осложнения. Как в воду глядел!.. Надо всего лишь немного подождать...

Но, с другой стороны, наемник не любил простых решений. А сидеть сложа руки и ждать – что может быть проще?

«Не просто сидеть и ждать, а слушать, как в нескольких шагах отсюда будут практически заживо поедать другого эльфа!» – шевельнулась в глубине души мысль.

– Тпру, стоять! Осади назад! – орал тем временем Карадор. – Я кому сказал убери ножик! Сделаешь дырку – потом не заштопаешь... Ах да, вы же и должны сделать дырку... Но как ты его удержишь? Тебя что, не учили хорошим манерам? Нож держат в правой руке, а вот это... Кстати, а что это у тебя? Тоже нож? Надо же! А по виду не скажешь... Так, ты куда этой штукой тычешь! Не попади в самое дорогое! Аа-а-а! Мама! Последнего достояния лишают!

«Скорее бы они его прикончили!» – Фрозинтар схватился за голову. Усиленный и искаженный эхом, голос Карадора ввинчивался в череп не хуже бурава.

– Ну, блин, вы вообще даете! – Судя по воплям, пока подземникам не удалось отделить от их жертвы ни кусочка. – Вы бы хоть в очередь выстроились! У вас кто главный? Кто тут есть ваша вождь, я вас внимательно спрашивать! Ау! Твоя моя не понимай? Ась?.. Не слышать! Говорить громче! Громче! Кто тут есть ваша начальница?.. Тьфу ты, ну что за народ? Ни ума, ни фантазии...

«А он неплохо держится!» – отметил Фрозинтар. Ведь знает, что жить ему осталось всего несколько минут, однако не трусит... Или это из него страх выходит криком? А что будет, когда он голос сорвет?

Судя по ворчанию подземников, на последний вопрос они все-таки смогли дать вразумительный ответ.

– Ага, – послышался удовлетворенный голос Карадора, – вождь, стало быть, ты? А ну-ка, поди сюда!.. Да как ты идешь? Как стоишь? Ты вождь этого сброда или... Хотя народ имеет то правительство, которое его имеет... Ладно, сопли подбери и можешь считать, что ты мне нравишься... В общих чертах...

Фрозинтар зажал себе рот рукой, испытывая желание рассмеяться.

– Э-э, я не в том смысле! – завопил тем временем Карадор. – Убери свои грабли!.. Ну что за народ? Уже простых идиоматических выражений не понимают... Хотя... да, вы не понимаете... Дикари-с, одно слово... Уф, запарился я тут вами командовать... Водички бы, что ли, дали... В горле совсем пересохло...

«А ведь он жив до тех пор, пока они не опомнились!» – осенило Фрозинтара. Подземники просто ни разу не сталкивались с такими жертвами. Обычно те, кто попадал им в руки, не сопротивлялись или сопротивлялись очень недолго. Они просто не знали, как себя вести с такими пленниками. Но едва подземники опомнятся, с Карадором будет покончено.

– Аа-а-а-а-а! – заорал тем временем тот. – Убери! Убер-ри руки, я сказал! Да держите его кто-нибудь, иначе я за себя не отвечаа-а-а-а-а...

Голос сорвался на визг, и Фрозинтар понял, что конец настал.

И тут же словно какая-то сила сорвала его с места, заставила одним прыжком оказаться среди подземников.

Наемник был выше любого из них на три, а то и четыре локтя, и стоявшие ближе всех подземники получили по-простому хорошего пинка и разлетелись в стороны. Подхватив чье-то копьё – и впрямь палка с прикрученной к ней железкой! – Фрозинтар всадил его в первый попавшийся живот, отбросив мертвое тело прямо на соплеменников.

– Ур-ра! – завопил Карадор. – Так их! Знай наших! Давай! Ату!

«Сначала – их, потом – его!» – мелькнула мысль. Эти пронзительные вопли просто раздражали.

На счастье наемника, существа действительно слишком долго пробыли в изоляции от внешнего мира, выползали на поверхность лишь для того, чтобы нападать на одиноких путников и подбирать падаль. Сражаться они не умели, и после того, как несколькими пришлось получить пинки и удары, уцелевшие бросились врассыпную, даже не пытаясь подобрать своих раненых и убитых соплеменников. Шесть тел остались лежать на камнях. Из них четыре не подавали признаков жизни.

– Круто! – послышался восторженный голос. – Я бы тебе поаплодировал, да руки не слушаются!

Фрозинтар обернулся. Опутанный какими-то серыми лохматыми нитями, у стены обнаружился Карадор, в глазах его горел живой интерес к происходящему.

– А ты здоров драться! – сообщил он. – Где научился?

– Лучше с-спроси «когда», – буркнул наемник.

– Когда? – немедленно последовал вопрос. – Ты был на войне? А вот я пацифист! Представляешь...

Фрозинтар скрипнул зубами.

– А ты п-представляешь, что я тебя сейчас могу убить? – поинтересовался он, поудобнее перехватывая копьё.

– Нет, – честно помотал головой Карадор. – Если бы ты хотел моей смерти, то просто подождал бы немного, пока эти типы меня прикончат...

– Это еще м-можно устроить, – процедил наемник. – Что м-мешает мне сейчас вернуться и уйти? Рано или п-поздно ты умрешь – от рук этих... существ или от голода и жажды. Вот с-скажи мне, что меня тут удерживает?

– Э-э... погоди-погоди, дай угадаю!.. Совесть?

Если бы в этот момент Фрозинтар что-то жевал, он бы подавился.

– К-как ты сказал? – прищурился он.

– Со-весть, – по слогам повторил Карадор. – Это, знаешь ли...

– З-знаю, – прорычал наемник. – А с чего ты взял, что она у меня есть?

– С того, что ты до сих пор стоишь тут, а не бросил все и не ушел своей дорогой, оставив меня одного помирать!

«Это было бы неплохим выходом из ситуации!» – мелькнуло у наемника в голове, но он тут же отогнал эту мысль. Если сейчас он бросит Карадора в беде, то как потом узнать, жив ли «объект охоты»? Но с «объектом» не разговаривают. С ним вообще не вступают в контакт, ибо это противоречит кодексу наемных убийц, а на счету Фрозинтара было уже несколько смертей, совершенных по чужому приказу.

– Ну, чего застыл, как памятник самому себе? – вывел его из задумчивости нетерпеливый голос. – Ты уж определись – или сюда, или отсюда! Нечего враскоряку стоять!

Фрозинтар невольно бросил взгляд себе под ноги, и тут же рядом раздалось ехидное хихиканье.

«Я его сейчас точно убью!» – мелькнула мысль.

– Лицо только сделай попроще, – тут же откликнулся Карадор. – А то, знаешь ли, меня оторопь берет – то ли у тебя несварение, то ли ты таким красавцем уродился...

– С-слушай, если т-ты сейчас не заткнешься, я тебя точно п-прикончу!

– Все-все. – Карадор вытянулся и прикрыл глаза. – Сижу как мышка... Или нет, лежу как бревнышко...

Пораженный этой странной доверчивостью, Фрозинтар какое-то время просто смотрел на «объект», а потом наклонился и полоснул кинжалом по опутывающим его серым лохматым нитям. Соприкасаясь с зачарованным лезвием, они шипели и обугливались, не приликая к нему.

– Ты чего делаешь? – живо заинтересовался Карадор.

– Освобождаю тебя. У меня, з-знаешь ли, нет времени, чтобы торчать тут до с-скончания века!

– Знаешь, у меня тоже, – вдруг посерьезнел Карадор.

Лохматые серые нити прилипали к рукам, но кинжалом резались отлично, так что через минуту бывший наследник Наместника оказался свободен и вскочил с энергией кузнечика, отряхиваясь и хлопая себя по бокам. Пыль и мелкий мусор полетели в разные стороны.

– Кончай п-прихорашиваться, – цыкнул Фрозинтар. – И так сойдет!

– Не, я так не могу! – Карадор скинул форменную куртку охранника и несколько раз ее встряхнул. Поднявшееся облако пыли на некоторое время полностью закрыло обзор. – Я должен прилично выглядеть...

– Н-на эшафоте? Туда в любой одежде принимают!

– Что? Ну, у тебя и шуточки...

– Это н-не шулки! – Фрозинтар повертел в руках трофейное копье подземника и отбросил его к стене. – Ты в розыске! К-король Кейтор издал указ и заплатил мне сотню серебряных п-подков, чтобы я изловил и доставил тебя!

Он выразительно позвенел кошельком на поясе.

– С ума сойти! – ахнул Карадор и шмякнулся задом на камни. – Ушам не верю! Кейтор не мог...

– С-сможешь и не такое, когда придется хоронить с-сына! – буркнул Фрозинтар.

– С-сы... Что?

– П-принц Даральд умер.

Некоторое время в туннеле царило молчание. Два эльфа застыли как статуи. Один сидел на камнях, обхватив голову руками и погружившись в невеселые размышления. Другой стоял над ним, ожидая каких-либо действий «объекта».

– Но я его не убивал! – наконец промолвил Карадор.

– З-знаю, – кивнул Фрозинтар. – Ты тут ни при чем!

– Ты... мне веришь? Но почему? Ты что-то знаешь?

– Нет, – ответил наемник. – П-просто я тоже эльф и не могу пройти мимо попавшего в беду с-соотечественника... Ловить – это моя работа. Мне дают за-задание – и я иду по следу. Я п-просто делаю свое дело, и мне за это платят. Н-ничего личного. Но здесь проблема в том, что они – люди, а т-ты – эльф. Раньше все было п-по-другому.

– Ты – не профессионал! – определил Карадор.

– С-с чего ты взял?

– У профессионалов в самом деле нет «ничего личного». Настоящий профессиональный охотник за головами будет работать даже на врагов своей расы, если они заплатят достаточно большую сумму. А ты...

– А если я с-скажу, что устал? Что мне очень м-много лет и я просто хочу на покой? У меня н-накопилась кое-какая сумма, и на эти сбережения я смогу с-спокойно жить где-нибудь в глуши. Что, если это мое п-последнее задание и я за столько-то лет н-научился разбираться в людях и нелюдях?

– Не-а, – помотал головой Карадор. – Вот теперь ты врешь! Какие много лет? Мы же с тобой ровесники! Ну, может, ты и старше, но ненамного!

Наемник стиснул кулаки. Нет, не стоит давать выход эмоциям! Это действительно непрофессионально. Достаточно того, что у него заикание заметно сильнее, когда он нервничает, и это раздражает еще больше.

– Что ты собираешься предпринять? – помолчав, поинтересовался «объект».

– Хочу д-доставить тебя в... безопасное место.

– Согласен. Тогда помоги мне!

– Что? Я же с-сказал, что...

– Встать помоги! – развел руками Карадор. – Я, кажется, опять прилип...

Опустив голову и глядя в пол, темноволосый подросток стоял перед сидевшим в кресле совершенно седым мужчиной, который двумя руками опирался на трость с массивным набалдашником. Двое – женщина средних лет и плечистый молодой человек – стояли по обе стороны от него, словно часовые. В соседнем кресле у камина полулежала молодая девушка с заплаканными глазами. Ее старшая сестра, спокойная и холодная, словно ничего не произошло, держала стакан, в котором ждала своего часа успокоительная настойка.

– Я... Простите, отец, но я должен так поступить, – помолчав, промолвил подросток. – Я не могу возвращаться в Дом Ящера. С дядей случилась беда. Ему нужна помощь. Я чувствую это! Я должен идти! Отпустите меня!

Сидящий в кресле Даральд переглянулся с женой. Хельга коснулась рукой его плеча. Она не принимала особого участия в судьбе внебрачного сына своего супруга. Для нее достаточно было того, что полукровка жил под одной крышей с ее детьми и пользовался теми же благами, что и они. Долгое время она вообще боялась, что сын надменной эльфийки захочет отнять у ее детей то, что принадлежит ему как старшему ребенку, по праву первородства. Титул, земли, влияние на короля... Не сразу она поняла, что для Келлегора все это не имело значения. Собственные магические силы занимали его гораздо больше.

– Ты отец, тебе и решать!

– Скоро меня не станет, – вздохнул Даральд. Предостерегающе вскинул руку, останавливая Исмираль, уже открывшую рот, чтобы возразить. – Два-три года, вряд ли больше, а потом – все... Я знаю это и спокойно жду, когда настанет срок... Вы все, мои дети, уже достаточно взрослые и можете сами о себе позаботиться, но Келлегор... Он еще ребенок...

– Я не ребенок! – тут же встрепенулся полукровка.

– *Почти* ребенок, – поправился Даральд. – По эльфийским законам он еще несовершеннолетний и не имеет права распоряжаться своей судьбой. У него обязательно должен быть опекун, старший наставник... из числа кровной родни. Ты, Гайворон, – поднял он глаза на сына, – успеешь постареть прежде, чем твой единокровный брат достигнет совершеннолетия. Карадор Аметистовый подходит на роль наставника как нельзя лучше...

– Убийца, – прошипела из кресла Дисана.

– Твой Даральд жив, хотя и потерял много крови, – парировал ее отец. – И сейчас его жизнь вне опасности. В свое время его отцу пришлось гораздо хуже. Кроме того, виновность лорда Карадора не доказана. В ране побывало два кинжала, и лишь один принадлежал убийце. Второй был, скорее всего, использован для отвода глаз!.. Так что я, думаю, смог бы доверить воспитание своего сына бывшему наследнику Аметистовому... которого еще надо отыскать!

Он покосился на своего первенца, и Келлегор, прекрасно все понявший, просиял.

– Спасибо, отец! – пылко воскликнул юноша, падая перед креслом на колени и обнимая ноги герцога Паннорского. – Я вас не подведу! Я уже почти сдал экзамены и...

Даральд вскинул глаза, обратив взгляд в дальний угол. Все невольно притихли.

Присутствовавший при этой сцене «ящер» – ведь формально юный Келлегор-полукровка оставался послушником монастыря и стажером – сделал шаг вперед.

– Тот, кто отдал себя служению Ящеру, – промолвил он сухим голосом, таким же ровным и безжизненным, как и взгляд его светлых глаз на пергаментно-желтом лице, – не должен связывать себя с миром. Заботы людей – не для нас. Тот, кто отрекается от бога ради суетных страстей, должен быть готов к тому, что и бог отречется от него. Держи!

В следующий миг суковатый посох полетел прямо в Келлегора.

Чисто машинально подросток протянул руку, схватил его за середину, и посох тут же превратился в настоящую живую змею. Делла Хельга и обе ее дочери взвизгнули, отшатнувшись.

Отчаянно зашипев, рептилия впилась зубами в запястье Келлегора, но тот даже не дрогнул и не ослабил хватку. И тогда, разжав челюсти, змея с тихим шипением обвилась вокруг его руки так, что ее плоская голова легла на плечо полукровки, а в ладони остался самый кончик хвоста.

«Ящер» холодными глазами, не мигая, смотрел на эту сцену.

– Это подарок, – промолвил он, когда подросток поднял на него удивленный взгляд. – Счастливого пути, брат.

И, не прибавив более ни слова, направился к выходу.

– Выходит, я, – проводив взглядом уходившего «ящера», повернулся подросток к остальным, – только что сдал экзамен?

– Да, малыш, – герцог Паннорский улыбнулся своему старшему сыну, – да, коллега.

Тара быстро скинула рубашку, и ее маленькие упругие грудки белым пятном сверкнули в полумраке за тяжелыми шторами. Мужчина тихо зарычал, подтягивая ее к себе за талию и с сопением тычась носом в ложбинку между грудей. Девушка запустила пальцы в его лохматые волосы, выгнулась назад, картинно забросив одну ногу мужчине на бедро.

Чуть приподняв за талию, тот быстро опрокинул ее на постель, навис над нею, торопясь избавиться от верхней одежды и лишить подружку лишних тряпок. Тара не сопротив-

лялась, но и не собиралась ему помогать. Лишь несколько раз дрыгнула ногами, сбрасывая штаны.

Спустив свои собственные порты до колен, мужчина буквально рухнул на девушку, рыча от страсти и нетерпения. Изо рта у него воняло, и эту вонь не могли перебить ни чеснок, ни пиво. Чувствуя на себе его потную нетерпеливо дергающуюся тушу, Тара жалела только об одном – что сегодня хотела сохранить трезвую голову и не выпила лишнего. Пусть бы у нее завтра зверски трещала голова, пусть ее бы стошнило прямо на пол возле постели – зато не было бы угрызений совести, когда поутру она открыла бы глаза рядом с этим бугаем! Тогда бы у нее было оправдание – дескать, пьяная была, сама не помню, как это случилось...

Если бы хотела, Тара сегодня вообще уснула бы одна. Но на улице свои законы: девчонка в «стае» считалась как бы общей – во всяком случае, если на нее не предъявлял свои права главарь. Но в случае с Чеканом это было глухо – девушки его не интересовали совершенно, зато тому же синеглазому Зайке не стоило поворачиваться к нему спиной в бане. Так что Тара, которая была обязана участвовать во всех попойках, всякий раз гадала, с кем она проснется в одной постели. Счастье еще, что парни ценили ее умение метать ножи и драться, и ее ни разу не изнасиловали всей стаей. Но все равно, каждый раз тыкать в кого-нибудь из них пальцем и при этом изображать неземную страсть было мучительно больно.

Наконец, отработав свое, громила перекатился на бок и захрапел в полной уверенности, что доставил-таки Лисичке требуемое наслаждение – ишь, даже не пытается подняться, лежит и не шелохнется!

Меньше всего Таре хотелось сейчас оставаться рядом с ним. Но если она сейчас выскользнет из комнаты и спустится в общую залу, где в закрытом на «спецобслуживание» трактире гуляла ее стая, на нее накинется, как осы на мед, все остальные – дескать, громила Гейс не смог тебя удовлетворить, так, может, кто из нас окажется лучше?.. И ведь ей придется-таки напиться до состояния невменяемости, чтобы потом, наутро, не было так стыдно перед самой собой...

Повернувшись на бок, девушка натянула одеяло до самой макушки и попыталась заснуть.

Среди ночи она проснулась от холода и поняла, что громила Гейс все-таки стянул с нее одеяло, дабы укутать им свою необъятную тушу. По опыту зная, что выпутывать из одеяла мужчину, который уже пригрелся, – дело неблагодарное, Тара просто-напросто придвинулась поближе к нему. Гейс совершенно неожиданно поделился одеялом, одновременно привлекая ее к себе. Это было так удивительно и приятно, что Тара размякла, чего с нею давно не случалось. Во всяком случае, она не попыталась отодвинуться, а просто-напросто пригрелась и задремала.

А второй раз проснулась оттого, что ей, наоборот, было слегка жарко и душно. Два тела сдавливали ее с боков, мешая пошевелиться и отодвинуться. И по крайней мере руки одного из ее неожиданных соседей как раз в эту минуту начали исследование ее тела.

Ну уж нет! Они так не договаривались! Она ушла с Гейсом, и все остальные не имеют права...

Распахнув ресницы, Тара прямо перед своим носом увидела совершенно незнакомые раскосые глаза.

– О, какой приятный сюрприз, – с улыбкой промурлыкал их обладатель. – Как это мило... Вы позволите, сударыня?

Оцепеневшая и онемевшая от неожиданности Тара лишь наблюдала за тем, как незнакомый эльф забирает в ладонь ее грудь.

– Н-нет, – послышался смутно знакомый голос у нее из-за спины. – Она не позволяет!

Судя по акценту, этот голос принадлежал второму эльфу. Еще одному эльфу, который прижимался к ней со спины, в то время как его соотечественник оказался спереди!

Никогда еще Таре не приходилось просыпаться с двумя незнакомыми мужчинами одновременно. Она уже открыла рот, чтобы кричать, но тут две ладони синхронно шлепнулись ей на губы. Одна была теплая и живая, другая – холодная и твердая, как деревянная.

– Молчать! – прошипели ей в затылок.

– Не надо кричать, хорошо? – довольно вежливо продублировал второй эльф своего сородича. – Зачем будить весь дом? Или вы хотите сказать что-то разумное?

Тара постреляла глазами по сторонам и несколько раз кивнула.

– Ну, вот мы и договорились! А теперь я убираю ладонь, но помните – вы мне обещали!

– Где Гейс? – выдохнула девушка, как только снова смогла говорить.

– Кто? Этот вонючий потный толстяк с дурным запахом изо рта? – скривился первый эльф, лица второго Тара пока не видела. – Он вам так уж нужен?.. Конечно, если это ваш парень, мы можем понять. Любовь, как говорится, зла – полюбишь и такое убожество, но... Поймите меня правильно – он нам мешал!

– Одно т-твое слово – и я его прикончу! – прошипел прямо в затылок Таре второй эльф. – Никто не имеет права прикасаться к тебе, Тариель...

Где-то она уже слышала это имя. Нет, не может быть!

Тара вывернула шею, отыскивая взглядом говорившего – и почувствовала, как у нее закружилась голова. Эти раскосые глаза с вертикальными зрачками она видела всего минуту или две, но не забудет до конца жизни.

– Нет! – прошептала девушка, чувствуя, что покрывается холодным потом. – Нет!

– Ты н-не узнаешь меня, Тариель? Но как же т-так? Ты же мне обещала...

Его уже уводили, а он все никак не мог отвести от нее взгляда. Направляясь следом за конвойными, да что там, направляясь! – его практически несли, скованного чарами! – он до боли в суставах выворачивал шею.

Ее за локти держали двое – отец и старший брат. Тариель не плакала – ее глаза были сухими, в них горела отчаянная решимость.

Собрав силы и на миг разорвав опутывающие тело чары, он уже на алтаре крикнул:

– Я вернусь!

– Я буду ждать! – Она рванулась к нему, повисла на руках мужчин. – Я всю жизнь буду тебя ждать!

Этот крик до самого конца стоял у него в ушах. До того момента, как чары холодом сковали его тело и время остановилось.

– Между прочим, ты девушке резко не нравишься! – проинформировал с умным видом Карадор.

– С-с-с чего т-ты это взял? – прошипел Фрозинтар.

– А с того, что ко мне она активно прижимается, а на тебя смотрит, как на восставшего из гроба покойника! Кстати, милая, вы мне кого-то сильно напоминаете... Мы с вами нигде раньше не встречались?

Тара побагровела, изо всех сил пихнула болтуна в живот и грудь. Тот ойкнул и скатился с постели.

– Больно же!

– П-понял? – приподнялся Фрозинтар. – Тариель – моя!

И тут же схватился за запястье – молниеносно выхватив из-под подушки стилет, девушка что было сил полоснула его по руке. Нет, наемник не почувствовал боли, это движение было чисто рефлекторным.

– Еще одно слово, – процедила Тара, пятясь и сползая с кровати так, чтобы та оказалась между нею и двумя незнакомцами, – и вы пожалеете, что родились на свет!

– Ша, спокойно! – Карадор выставил ладони. – Не надо шуметь! Мы ненадолго. Нам надо пару часиков где-то перекантоваться, после чего мы отсюда свалим и больше не будем вам мешать, сударыня!.. Но все-таки, где я мог вас видеть?

– Сейчас! – прошипела «охотница», чувствуя, что как никогда близка к истерике. – Вы уйдете сейчас или...

– Или что? Вы позовете стражу? – живо заинтересовался Карадор. – Ой, вот только не надо никого звать! Я, между прочим, официально в бегах. Меня, знаете ли, обвиняют в убийстве! Поэтому мне очень хочется остаться живым и желательно на свободе!

Тара обвела глазами темную комнатку, посреди которой стояла кровать, а вдоль стен выстроились сундуки и лавки. В углу обнаружился связанный по рукам и ногам Гейс. Толстяк не подавал признаков жизни. Путь к окну перекрывал Фрозинтар, в сторону которого девушка просто боялась смотреть, ибо ее буквально до дрожи пугали его вертикальные зрачки, бледная до синевы кожа и странные холодные прикосновения. На пути к дверям маячил этот болтун, и Тара сразу записала его в слабые противники.

Болтун уже открыл рот, чтобы что-то сказать, когда девушка с быстротой молнии метнулась к нему.

Она была уверена в своей скорости, но все-таки, как выяснилось, двигалась недостаточно быстро, ибо эльф поймал ее за локти и слегка встряхнул.

– Вот видишь? – через голову Тары подмигнул он наемнику. – Ты ей не слишком нравишься, а ко мне она просто в объятия сама готова уаа-а-а... Ой!

Размахнуться как следует девушка не могла, но ей удалось чувствительно кольнуть Карадора стилетом.

– Ты чего дерешься? Я ж пошутил! Я всегда шучу. У меня даже прозвище...

Тара взвыла.

– Если, – с трудом выдавила она, – вы сейчас... не уберетесь как можно дальше... то я вас обоих... ы-ы-ы-ы...

– Да-да, – покивал Карадор, силой усаживая ее на постель. – Только вы прикройтесь чем-нибудь, а то, глядя на ваши прелести, мы просто забываем, зачем пришли... Пошли-пошли, – бывший наследник подергал за рукав Фрозинтара, увлекая его за собой в окно. – Да перестань ты на нее пялиться! Вообще, кто она такая, что ты...

– Жена, – выдохнул наемник, не сводя жадных глаз с лица оцепеневшей от этого простого слова девушки.

Это оказалось последней каплей. В глазах у Тары потемнело, и она рухнула на постель...

«Никогда больше не буду пить! – была первая мысль после пробуждения. – Никогда, ни за что, тем более в такой компании!.. Пусть хоть зарежут! Все!»

Пробуждение, надо сказать, вышло не из приятных. А что может быть хуже для страдающего с похмелья, чем то, что он чувствует, что его, вместо того, чтобы оставить в покое и дать спокойно умереть от сушняка и головной боли, куда-то тащат, схватив за руки и за ноги? При этом поминутно переворачивают, подхватывают, подпирая в поясницу коленом, разве что не волокут, как мешок, пытаются катить и при этом комментируют свои действия двухголосым шепотом:

– Куда ты ее тащишь? Да не ногами вперед! Разворачивай... Блин, застряла! Ну-ка, поддержи...

– Т-ты чего?

– Так надо... Во, сейчас пройдет... Ну-ка, дружно! Еще, взяли!

– Ты ей в-волосы отдал!

– Главное, что не оторвал... Да перехвати ты ее покрепче! Не стеклянная!.. Давай-давай, заноси...

– С-слушай, ты чего раскомандовался?

– С того, что я лучше знаю, как надо транспортировать девушек!

– Ну и как?

– Как-как... Нежно! Во, все, прошла! А тут ничего... Уютненько! Темновато, ну да жить можно! Главное, что места много! Слушай, а она точно здесь живет?

– Т-точно. У меня след остался – ее рукав...

– А... Вообще мне тут нравится! Эй, а вот это что за штука?

– Т-ты сюда на экскурсию пришел или п-по делу?

– Ах да! Подымай! На счет «три»... Раз, два – бросили!

Тару со всего размаха опустили на что-то, на ошупь оказавшееся топчаном. Знакомый запах слежавшейся соломы и почти выветрившийся аромат дешевых духов подсказали девушке, что она оказалась в собственной каморке. Спасибо парням и на этом – не бросили валяться в трактире, а доставили до дома. Сейчас они уйдут и...

– Слушай, – судя по хрусту, обладатель жизнерадостного голоса потянулся, – чего-то я устал со всеми этими физическими упражнениями! И есть захотелось... Ты есть хочешь?

– Нет.

– А я хочу. Ладно, я спущусь за бутербродами, а ты, если хочешь, тут посиди... На ее голые коленки полюбуюсь...

Хоть и притворялась спящей, Тара почувствовала, что краснеет.

– Н-не смей говорить о ней в та-таком тоне, – прорычал обладатель второго голоса.

– Да ладно, ладно... пошел я. А вы воркуйте, голубки! Интересно, тут есть кухня?

Чуть-чуть приоткрыв глаза, Тара из-под ресниц осторожно окинула взглядом каморку. Сомнений не оставалось – это ее чердачная комнатка. Девушка узнавала мебель, сваленные по углам вещи. На первый взгляд это был обычный чердак, и часть его обстановки составляли вещи, давно выброшенные хозяевами – вернее, хозяйкой – за ненадобностью и ветхостью. Из этих вещей «охотница» и устроила для себя неплохое логово – не слишком тепло зимними ночами, зато крыша не протекает и плата мизерная. Плохо другое – хозяйка упорно придерживалась мнения, что за эти деньги она имеет право лезть в ее жизнь. Столовалась-то девушка у нее, и всякий раз выслушивала очередную порцию нотаций на тему того, чем должна заниматься порядочная девица ее лет. По мнению хозяйки, Тара, уж если с замужеством пока не получается, должна готовиться к монастырю – или к тюрьме, смотря как будет жить дальше. Ибо такая жизнь до добра не доведет и... ну, в общем, понятно!

Зато хозяйка не доносила властям, что у нее на чердаке живет девушка без определенных занятий, которая очень любит носить мужскую одежду, хотя явно не состоит на государственной службе, а также часто уходит и приходит не через дверь, как порядочные люди, а лазит в окошко.

Внизу, на кухне, что-то упало, загрохотало с дребезгом и лязгом, и Тара невольно напряглась.

– Ты п-проснулась, Тариель? – прозвучал голос, от которого девушку мигом пробрала дрожь. Сразу все вспомнив, она рывком села на топчане, сжав руки на груди.

Рядом с нею (хвала всем богам, он сидел, а не лежал, держа ее в объятиях!) обнаружился тот самый голубокожий некрасивый эльф с вертикальными зрачками. Он улыбнулся, протянув к ней руки, и Тара с визгом вскочила, отпрянув.

– Н-не бойся, Тариель, – произнес он. – Я никогда не причиню тебе вреда...

Внизу, на кухне, опять что-то упало, и мужской голос отчетливо помянул матом все кастрюли и чугунки сразу.

– Что там? – Тара решила отвлечь внимание.

– Это? – Фрозинтар скривился, как от зубной боли. – К-карадор...
В следующий миг дом до основания сотряс истошный женский визг.
– Ой, мамочки!

Сорвавшись с места, Тара бросилась к выходу с чердака, напрочь забыв, в каком она виде. Наемник и не подумал ее удерживать.

– Простите, – вякнул Карадор. – Я только хотел... А где у вас тут колбаска? Аа-а-ай!

Глухой удар тяжелым металлическим предметом Тара услышала еще на лестнице и, ворвавшись в кухню, сразу все поняла.

Перепаханный в муке, масле и еще чем-то, не поддающемся определению, Карадор, закрывая макушку обеими руками, носился по кухне туда-сюда, задевая и опрокидывая на пол все то, что пока еще стояло на столах и полках. За ним, рыча не хуже горного льва, гонялась хозяйка дома – неопрятного вида толстуха в нижней сорочке и кое-как повязанной на плечах шали, от души охаживающая эльфа сковородкой.

– Аа-а-а-ййй! – визжал Карадор, козликом перепрыгивая через корзину с репой. – Я больше не буду! Всего-то один бутербродик... с колбаской... мама! Убивают! Спасайте ценного меня!

Подпрыгнув в очередной раз, он задел коленом корзину с яйцами, и толстуха издала такой вопль, что, наверное, пробудила всех соседей. Подхватив упавшую корзину, она от злости запустила ее в незваного гостя, но тот увернулся, и плетеный снаряд прямиком врезался в окно. Раздался веселый звон разбитого стекла.

– Ну вы же разумная женщина! – не сдавался Карадор, заняв выгодную позицию, между ним и его противницей оказался длинный разделочный стол. – Давайте... – он пригнулся, пропуская над головой половник, – поговорим конструктивно!.. Знаете, а вот нож в руке как-то не способствует развитию двустороннего... ой! За что?

Толстуха, убедившись, что нож прочно застрял в стене напротив, запустила в эльфа сковородкой и попала в составленные горкой глиняные миски. Не выдержав столкновения, вся горка с хрустом рухнула на пол.

– Я нечаянно! – Круто развернувшись, Карадор задел локтем квашню с тестом, которое тут же вывалилось поверх черепков. – Погодите, я сейчас все уберу!

Он резко присел, и поэтому бросок табуреткой тоже не достиг цели.

Примерно в это время на сцене и появились Тара и Фрозинтар.

– Привет! – Вынырнув из-за стола, Карадор помахал им ладошкой, перепачканной в тесте. – Объясните же вы ей, что я никакой не грабитель, а гость, и хотел всего лишь нарезать бутербродов!

Круто развернувшись, толстуха чуть ли не нос к носу столкнулась с парочкой. Она сразу увидела то, что захотела увидеть, – голую Тару (из одежды на девушке была лишь наброшенная на плечи мужская куртка) и маячившего за ее спиной второго незнакомца.

– Т-ты... – прохрипела толстуха и заорала так, что из окошка повывлетали остатки разбитого стекла, а в доме напротив заплакал ребенок и захлопали ставни.

– Э-э, – Карадор сделал попытку заткнуть уши, но передумал, глядя на испачканные пальцы, – она у тебя всегда такая?

Тара страдальчески кивнула, закатив глаза. По горькому опыту она знала, что если хозяйку чем-то не отвлечь (читай – не заткнуть рот), та будет орать и стенать, пока не поднимет на ноги всех соседей. Причем свои рассчитанные на широкую публику истерики она закатывала по любому поводу. Просто удивительно, как владельцы соседних домов еще не скинулись и не сдали ее за круглую сумму в приют при храме Белого Быка, куда тишком свозили всех, чье душевное состояние вызывало сомнения и подвергало опасности здоровье окружающих.

В это время вперед шагнул Фрозинтар. Отстранив Тару, он взял толстуху за плечи, подтянул к себе и сверху вниз глянул на женщину чуть прищуренными глазами. Та внезапно подавилась криком и уставилась в его вертикальные зрачки. Рот ее продолжал разеваться, но вместо крика из него теперь выходило одно только бульканье.

Несколько секунд продолжался обмен взглядами, после чего наемник быстро и решительно поцеловал толстуху в губы.

– Вот присосался, – прокомментировал Карадор, облизывая с пальцев тесто. – А врал – «жена», «жена»...

Когда поцелуй прервался, толстуха покачнулась, как пьяная, с трудом попыталась сфокусировать взгляд на незваных гостях. Фрозинтар облизнулся, отпуская ее. Он мог бы выпить и больше, но остатки жизненной силы трактирной служанки еще ходили в теле – силы молодой крепкой женщины, а не этой развалины, – да и не была ее энергия такой уж вкусной. Если бы не необходимость и подсознательное желание иметь небольшой запас, на всякий случай, он бы даже не посмотрел в ее сторону.

Хозяйка обвела кухню мутным взглядом, слегка вздрогнула, наткнувшись глазами на наемника и, пошатываясь, направилась прочь.

– Вы это... того, – послышался ее сонный голос, – пойду-ка я, прилягу...

– А бутербродик-то сделать можно? – как ни в чем не бывало крикнул ей вслед Карадор.

Толстуха вяло отмахнулась рукой, чуть не потеряв при этом равновесие, и чувствительно приложилась боком к стене, дальше решила продвигаться на ощупь, как больная или пьяная.

– Уф! Еле выпроводил! – Не обращая внимания на выражение лиц своих спутников, Карадор выдернул ножик из стены и деловым взглядом прошелся по разгромленной кухне. – Та-ак... Совсем забыл, где у нас теперь валяется хлеб?

Подкравшись на цыпочках к двери, король Кейтор задержал дыхание и чуть-чуть приоткрыл ее, опасливо высунув в щелочку самый кончик любопытного носа.

Со вчерашнего дня его приемная изменилась до неузнаваемости. Два окна были сплошь заставлены цветами в фигурных горшках, а портьеры делового сине-зеленого цвета сменили кружевные занавесочки – розовые в голубых разводах. Стол секретаря переехал в дальний угол, а на его месте у окна расположилась оттоманка, вокруг которой были накиданы шелковые подушки. Среди подушек валялись недовышитый рушник, лютня, несколько книг и пустой флакон из-под валерьянки. Справа и слева стояли два столика – один поменьше, сплошь заставленный креманками из-под мороженого, бокалами и вазами с фруктами. Второй побольше, с солидных размеров зеркалом. На нем в три этажа было разложено столько косметики, что вся женская половина дворца давно должна была удавиться от зависти – столько оттенков розовой помады не имелось даже у королевы Лианы! Еще один угол был отгорожен ширмой, расписанной лебедями и незабудками. Возле него красовались сундук с башенкой из шкатулочек и чугунная ванна. Предполагалось, что за этой ширмой благородная леди будет переодеваться и совершать обязательное утреннее омовение. В противоположном углу обнаружился один из придворных котов, привалившийся к стене и рассматривающий свои передние лапы. Рядом с ним валялся второй флакон из-под валерьянки.

Сама леди Мидарель со страдальческим выражением лица, которое еще больше подчеркивалось умело наложенным макияжем, возлежала на оттоманке. Две служанки-альфары хлопотали вокруг госпожи, бросая туда-сюда затравленные взгляды. Одна красила госпоже ногти на ногах, другая пыталась соорудить ей прическу. На подушке сидел паж, тоже альфар, и в ожидании, пока на него обратят внимание, развлекался, как и любой ребенок любой расы, тем, что грыз ногти.

Сидящий за своим столом секретарь выглядел как человек, которого ни за что ни про что приговорили к посажению на кол, причем приговор уже привели в исполнение. Он поймал вопросительный взгляд монарха и еле заметно покачал головой.

– Ты что творишь? – внезапно раздался резкий голос леди Мидарель, и оба – король и секретарь – подпрыгнули от неожиданности. – Ты в какой цвет мне ногти красишь? Я же просила бледно-розовый, а это нежно-фуксиевый! Дура неотесанная! – напустилась эльфийка на служанку. – У меня траур! – Она трагически заломила руки и повысила голос до визга: – Я так страдаю! Я так переживаю! Я испытываю трудности, а ты...

Король Кейтор подавил вздох. Пока что трудности его загнанное в угол величество испытывал в том, что касалось перемещений по своим покоям. Леди Мидарель твердо решила держать руку на пульсе расследования по делу о покушении, что выражалось в том, что эльфийка таскалась за королем, куда бы тот ни пошел, доставая его монологами на тему: «Почему ничего не предпринимается для розысков моего Карадорчика?»

Кончилось все тем, что его величество стал прятаться от «невесты» старого друга где только можно. А выгнать неугомонную эльфийку из дворца было нельзя. Она официально имела статус беженки, что делало ее по новым законам Великой Паннории лицом таким же неприкосновенным, как и посол крайне дружественного государства. Не-ет, надо пересмотреть эти законы и вписать пункт о принудительной экстрадиции отдельных представителей Дивного народа! Ведь Карадор предлагал ему это! Еще год назад предлагал! Как в воду глядел!

«Эх, Карадор, Карадор! Где же ты?»

Кейтор отошел от двери и выглянул в окно. Ему ужасно хотелось в уборную, но выйти он, по понятным причинам, не мог. Хорошо вон тому гвардейцу! Уверенный в том, что его никто не видит, отошел за кусты, отвернулся к дереву и делает свое дело!

Бросив последний взгляд на двери и прислушавшись к доносящемуся оттуда визгу леди Мидарель, король распахнул окно и решительно сел на подоконник, снял камзол, чтобы не мешал спускаться по лепному карнизу.

Тара шла по улице, держа на локте корзину для покупок.

Много ролей пришлось играть девушке – когда ты последние десять лет живешь на улице, кем только не приходится притворяться! Но чтобы вот так, нарядившись в «порядочное» платье – свое единственное платье, надо сказать! – идти по улице, как какая-нибудь горожанка, отправляющаяся на рынок за покупками? И смех, и грех! Парни из «стаи» увидят – засмеют!

А покупок предстояло сделать много. После того как на кухне похозяйничал Карадор, в доме не осталось ни муки, ни масла, ни яиц, ни соли, ни многострадальной колбасы. Ну, кто бы мог подумать, что в тощего – кожа да кости! – эльфа влезут целая палка колбасы и почти полный каравай хлеба? Собственно, из всех продуктов пригодными в пищу оставались только овощи – отмытые от молочно-яично-мучной смеси, они тремя сиротливыми горками выселись на столе. К слову сказать, пока Тара наводила порядок, Карадор успел вдвое уменьшить запасы моркови и репы, причем последнюю он грыз вместе с кожурой.

Сами эльфы, которых теперь полагалось чем-то кормить, сидели на чердаке практически взаперти. Фрозинтар заикнулся было, что должен сопровождать «леди Тариель», но девушка приказала ему сторожить Карадора, пока тот еще что-нибудь не выкинул.

А то ведь рано утром этот ненормальный отправился в обход всех соседей с объяснениями ночных событий. И добро бы произнес стандартный монолог из серии: «Люди добрые, сами мы не местные! Дом сгорел, вещи разбежались... Помогите, кто чем может...» Так нет же! Он с чувством, толком и расстановкой пустился в подробный рассказ о своих

приключениях! Монолог, который произносился на пороге практически каждого дома, звучал примерно так:

– Здрассьте! А вы чего, тут живете? Как интересно! А вот это чего? Ой, а потрогать можно? Нет? А почему? Ну и ладно, как хотите... А я во-он там теперь живу, у Тары. Ну, то есть не совсем живу. Я у нее как бы скрываюсь... Меня Карадором зовут. Я – эльф. Честно-честно, самый настоящий! Я раньше на Радужном Архипелаге жил, но меня дядя оттуда выгнал. Я, понимаете ли, пацифист, а он считает... Нет, это не заразная болезнь! Я знаю, я у настоящего некроманта консультировался. Он говорит, что пацифизм даже по наследству не передается... Так о чем это я? Ах да! Я скрываюсь! Понимаете ли, меня хотят арестовать... Кто-кто... Тайная служба, вот кто! Я ведь там работал какое-то время... Да, я настоящий тайный страж его величества! Если что, обращайтесь, всех преступников выведем на чистую воду... То есть потом выведем, а сейчас мне надо ненадолго скрыться, потому что я принца Даральда убил...

И так далее. В конце концов Таре пришлось сочинить байку о том, что это всего лишь ее брат, который недавно приехал из глухой деревни. Он с детства на голову ущербный – они раньше с приятелями, когда детьми были, все любили игрища устраивать. Ну, наряжались по-всякому и изображали кто эльфов, кто троллей, кто орков. Целые представления разыгрывали и даже «воевали» с соседней деревней, где были свои «эльфы» и «гномы». Потом бывшие игроки выросли, обзавелись семьями и забыли про детскую блажь, а этого, видать, на каком-то игрище крепко деревянной палкой с надписью «зачарованный меч» приложили – он до сих пор себя воображает эльфом и в одиночку носится по старому пустырю, размахивая дубиной. Вот его в город и направили – дескать, там есть хорошие целители, так пусть они парню мозги на место и поставят. А вчера ему на новом месте приснилось, что он в замке, который штурмует орда троллей. Вот больной на весь череп парень и устроил «Великую битву с Силами зла».

И теперь Тара, как какая-нибудь добропорядочная мать семейства (слово-то какое смешное – добропорядочная!) шла на базар, чтобы потратить все свои сбережения на прокорм двух ненормальных нелюдей. При этом Фрозинтара девушка откровенно боялась – именно из-за многочисленных заверений наемника, что она на самом деле его жена, с которой его насильно разлучили и над памятью которой наверняка поработали маги. Все возражения девушки – что она слишком молода и ничего не помнит о каком-то замужестве, что она полукровка и вообще... – он отметал, объясняя это действием враждебных сил. Мол, на самом деле ей намного больше лет (чуть ли не семь тысяч с хвостиком), а что выглядит как типичная полукровка, так это и есть магия – ей нарочно изменили внешность и дали другую память.

Таре все это решительно не нравилось. Она и на базар-то пошла не столько из желания как-то подольститься к квартирной хозяйке, сколько для того, чтобы хоть ненадолго остаться одной и подумать, как жить дальше.

От эльфов надо избавляться, не вопрос. Только как? Просто за порог не выставишь – это совершенно нереально. Сбежать самой? Но куда? Этот упырь, якобы муженек, ее обязательно отыщет – по его словам, между ними нерушимая связь, которая позволит найти супругу. И еще неизвестно, что он тогда с нею сделает, если поймает! В страшных сказках, которыми развлекали друг друга сироты в приюте, упоминалась жестокая месть Упыря своей неверной невесте – он как минимум пробирался к ней на свадьбу и убивал жениха, отрывая ему голову.

На базарной площади было много народа. Лоточники выставили свой товар – кто на выстроенных рядами прилавках, кто на скамьях, кто просто так, где придется. День сегодня был, увы, не базарный, и большая часть горожан просто бродила туда-сюда.

Особенно много народа толпилось возле помоста, где обычно проводили публичные казни. Во времена правления короля Кейтора наступило кое-какое изменение в судебной практике. Казнили меньше народа, зато всякие там позорные столбы, порка, клеймение и другие демонстративные расправы стали часты. Все они проходили именно здесь, а на площади Справедливости теперь приводились в исполнение только смертные приговоры.

Тара из любопытства свернула в ту сторону – поскольку она была грамотной, приятели часто просили ее прочесть, что за объявления висят тут и там. И, уже подходя, она услышала громкий усталый голос, видимо, в который раз повторявший одно и то же:

– Эльф это, Карадором его звать... Разыскивается по подозрению в убийстве его высочества наследного принца Даральда...

Тара прикусила губу и стала осторожно пробираться к стражнику в форме Тайной службы, который, одним глазом то и дело сверяясь с пергаментом, давал народу разъяснения.

– А кто означенного эльфа где увидит, должен немедля спешить в Тайную службу с донесением, – как раз в это время чуть ли не по памяти зачитывал он. – Его величество король Кейтор Первый Паннорский установил награду за сведения о Карадоре по прозвищу Шутник – целых сто золотых подковок.

Сто подковок! Тара ойкнула. Она сроду таких денег в руках не держала. Даже когда им удалось ограбить купца сразу после свершения им удачной сделки, выяснилось, что у него при себе только полсотни подковок, причем не все золотые, были и серебряные, и железные. Это какое же богатство у нее на чердаке! С такими деньгами она может... она может...

Голова у девушки пошла кругом от радужных надежд, и она решительно протолкалась к стражнику, подергала его за локоть.

– Чего тебе?

– А если я знаю, где этот Карадор сидит, что мне за это будет?

Уж если откровенно, то Карадор нигде не сидел – как раз в это время он кругами носился по чердаку и разве что ногами не топал.

– Нет, я так не могу! – вещал он развалившемуся на топчане Фрозинтару. – Вот чего ты разлегся? Что разлегся, я тебя спрашиваю? У тебя что, дел никаких нет?

Наемник чистил кинжалом ногти и не сразу удостоил собеседника ответом.

– П-почему нет? Есть...

– Да? И какие?

– Одно. Са-самое важное. – Фрозинтар решил не выкладывать всю подноготную. «Объект» до самого последнего момента не должен был ни о чем догадываться. Насколько он успел узнать своего подопечного, лучше всего подстроить смерть от несчастного случая. Кирпич на голову упадет, лошадь споткнется и неудачно свалит его в глубокий колодец, мясо в трактире подадут несвежее... хотя нет, организм эльфов не так восприимчив к яду, как человеческий. Эльфа просто невозможно накормить тухлятиной так, чтобы он этого не заметил. Разве что в вино что-то подлить, но яд нужного состава еще надо где-то достать!

– У меня всего одно д-дело, – промолвил наемник. – Вернуть Т-тариель память. Моя жена ждала меня с-слишком долго. Я не могу заставлять ее ждать еще.

– «Твоя жена!» «Твоя жена!» – передразнил Карадор. – Она девчонка красивая, но вряд ли ты ей очень уж нравишься! Из-за чего вы хоть расстались?

Наемник прикрыл глаза. Эти слова он слышал всего один раз, но запомнил на всю жизнь. Хотели или нет его палачи, он не потерял память после свершения казни...

– За то, что ты натворил, тебя мало казнить. В мире нет такой кары, которая подходила бы тебе...

– Значит, вы меня не убьете?

Судьи переглянулись. Стискивающий лоб обруч мешал ему, но он знал, что сейчас они обмениваются мыслями.

– Не убьем, – кивнул один из них. – Но и в живых ты не останешься!

– Нет. – Одна из судий, относительно молодая женщина, встала с места. – Это слишком жестоко...

– Поверьте, миледи, ЭТО – еще милосердие с нашей стороны! – Председательствующий на судилище отец Тариель улыбнулся, и подсудимому захотелось задушить его за одну эту улыбку.

Милосердие... Фрозинтар поднял руку с растопыренными пальцами, посмотрел на свет. Энергии в нем было пока достаточно, и он выглядел нормально, но что станет, когда она пойдет на убыль?

– Ей за-запретил отец, – с неохотой выдавил наемник, понимая, что должен сказать хоть что-то – слишком большими и вопросительными глазами смотрел на него Карадор.

– Из-за того, что ты стал вампиром?

Простые слова были подобны взрыву. Фрозинтара смело с места. Он одним прыжком добрался до Карадора и встряхнул того за грудки.

– За-запомни т-ты, – слова давались с трудом, – эльфы н-никогд-да не становятся в-вам-п-ирами! Д-д-другая г-генетика...

– Точно? – Карадор невинно захлопал ресницами. – Понимаешь, у меня в детстве книжка была. «Принцесса и вампир» называлась... Такой рыцарский роман. Они должны были пожениться, но рыцарь уехал куда-то в странствия по белу свету, и где-то там, в другой стране, его превратили в вампира. Он вернулся, но его возлюбленная... Погоди-погоди, как же его звали? Фа... Фо... Фря... Фло... Это не про тебя случайно?

– Н-нет, – выдохнул наемник, с сожалением выпуская воротник его туники. – Я не был рыцарем. Я б-был ученым. Это был очень рискованный эксперимент...

– По превращению эльфов в вампиров?

– Сл-лушай, может быть, ты заткнешься? Тебе все равно н-не понять... А, ладно, – он обреченно махнул рукой, – я изучал межмировые пласты, хотел постичь м-механику взаимодействия разных слоев реальности... – Эльф сделал расплывчатый жест. – Я хотел построить Портал, который ведет не в д-другую часть нашего материка, не на другой континент или на острова, а в д-другую эпоху или...

– Путешествия во времени, да? – выдохнул Карадор с восторгом ребенка, которому наконец-то рассказали сказку.

– П-путешествия в параллельные миры! – отрезал Фрозинтар. – Наши Покровители пришли из д-другого измерения!

– Враки!

– Мне с-сказали то же самое. Тогда я решил доказать, и...

Наемник обреченно отмахнулся, прервал сам себя. Откровенничать дальше смысла не имело. Что на него нашло? Столько лет он молчал, никому даже не заикался о том, за что был приговорен к *вечности*. А что теперь? Неужели близость Тариель так подействовала на него? Мальчишка был прав – он не профессионал. Настоящий охотник за головами так бы никогда не раскрылся перед «объектом».

«Это мое последнее задание! – напомнил он себе. – Я подстрою Карадору несчастный случай, добуду доказательства его смерти, потом расторгну договор с хозяином, получу назад мою жизнь, верну Тариель память и заживу... За-жи-ву!» – последнее слово он произнес чуть ли не вслух, примеряя его на вкус. Жить – как это здорово! Жить по-настоящему. Пить вино и есть хлеб, чувствовать, ощущать тепло и мягкость женского тела, жару и холод,

боль и усталость, вспотеть, выполняя свою мужскую работу, и девять месяцев спустя взять на руки дрожащий мокрый комочек...

С этими мыслями – а выносит ему ребенка чрево его возлюбленной Тариель! – Фрозинтар подошел к окну, посмотрел на улицу. С чердака все было видно очень хорошо, и наемник сразу заметил стройную фигуру девушки, шагавшей домой.

Чисто машинально он схватился рукой за грудь – и тут же отдернул ее, вспомнив, что с некоторых пор внутри ничего не бьется. Но эта заминка дала ему время разглядеть, что шла Тариель не одна. Она вышагивала впереди небольшой колонны городских стражников.

– Эй! – Почувствовавший неладное наемник бросил взгляд на Карадора. – Ты знаешь этих людей?

Тот подскочил, сунул нос в окошко и тут же отпрянул:

– Тайная служба! Это за мной! Вот стерва, – это относилось к Таре, – она меня выдала!

Фрозинтар уже хотел высказаться в том смысле, чтобы спутник не смел поганить имя его жены, но в это время заметил, что девушка остановилась и что-то сказала идущему впереди стражнику, указывая как раз на чердачное окно! И как тот отдал приказ.

«Окружай!» – прочел наемник по губам. Ох, Тариель, Тариель, как же так? Неужели твоя память изменилась *настолько* глубоко, что ты готова предать того, кому клялась в верности. Ты же обещала меня ждать. Что заставило тебя забыть обещание?

Раздумывал Фрозинтар недолго. Решение пришло само, едва Карадор, издав испуганный вопль, бросился к выходу и с воплем: «Мне туда нельзя!» – выскочил вон.

Наемник последовал за ним. С неверной женой он разберется позже. Сейчас главное – не дать «объекту» уйти.

Остановив коня, Лаотор осторожно спешился и огляделся по сторонам, словно опасаясь, что его могут увидеть чужие глаза. Молодой эльф знал, что ему не следовало сюда приезжать, но любопытство оказалось сильнее отцовских запретов и страха наказания.

Над головой смыкались кроны деревьев. Липа цвела, и ее одуряющий медвяный запах еще не выветрился из-под полога леса, в который давно уже превратилась эта часть окружающего поместье-столицу парка. Потемневшие кроны деревьев сгущали полумрак. Под ними росли только лесные травы и редкий кустарник.

Гравийная дорожка почти вся заросла ползучими растениями – слишком редко по ней ходили в последнее время. Собственно, лишь при жизни предыдущего Наместника, отца высокородного лорда Калливары, сюда навевались чаще чем раз в месяц. Но было это задолго до рождения Лаотора. С тех пор как венец получил нынешний Наместник, эта часть парка посещалась всего несколько раз.

Оставив коня под деревьями (умный скакун не сделает лишнего шага), Лаотор пошел по заросшей дорожке в сторону видневшегося за деревьями строения.

Часовня была сложена в незапамятные времена. Пожалуй, лишь отец Лаотора, лорд Лоредар, мог вспомнить, когда и зачем ее возвели. Во всяком случае, она стояла тут еще до Смутных веков, когда не было Аметистового Острова, а с запада на восток раскинулось обширное государство эльфов, которым правила династия великих королей. Бури и грозы пронесли над островерхой кровлей часовни, но она выстояла. И видела, как возле нее возводили поместье-столицу. И, наверное, увидит, как пустеют замки, постепенно превращаясь в прах и пыль.

Ползучие растения закрыли не только дорожку, их плети напоздали и на растрескавшиеся ступени широкого крыльца. Массивные двери, украшенные резьбой, были слегка приоткрыты.

Какое-то время Лаотор колебался, а потом решительно толкнул дверь и переступил порог часовни.

Внутри царил почти полный мрак – лишь сквозь щели в узких окнах-бойницах, залепленных многолетними слежавшимися листвой и паутиной, пробивались кое-какие лучики света. Но, впрочем, для остроглазого эльфа тут не было так уж темно – присмотревшись, Лаотор заметил вытершуюся, потерявшую цвет мозаику на полу. Узор почти терялся под слоем пыли и невесть как занесенного внутрь мусора – мелких веточек, прошлогодней истлевшей листвы и птичьих перьев. Но еще можно было различить слагавшие его разноцветные извилистые линии, которые сходились в одной точке – у дальней стены, где между двух колонн на возвышении лежал простой с виду камень.

Иногда вещи на самом деле не такие, какими кажутся. И Лаотор прекрасно видел – нет, догадывался, что это не простой камень. Ему стало страшно, однако любопытство пересилило страх. Крадучись, прислушиваясь к малейшим шорохам и звукам, он сделал несколько шагов и подошел к камню вплотную.

Воображение заранее нарисовало ему помост, ряды магических рун и все остальное, что обычно имеет уважающий себя алтарь неведомого и враждебного божества, но камень просто лежал на постаменте. Видно было, что когда-то ему пытались придать прямоугольную форму, но бросили сие занятие на полпути. Тут и там время еще сохранило следы сколов. Любопытствуя, Лаотор склонился ниже...

Ему показалось, что он стоит на берегу водоема и смотрит на дно сквозь толщу воды, в смутных тенях угадывая рыб и прочих водяных жителей. Иллюзия была настолько полной, что эльф махнул рукой, стирая с камня слой пыли, чтобы лучше видеть, кто там обитает на дне...

И отшатнулся в испуге, когда одна из теней слабо шевельнулась.

А потом послышался хруст. Хруст треснувшей льдинки. И тут же все вокруг окуталось холодом.

Изо рта облачком вылетел пар. Мигом замерзли уши и кончик носа. Невесть откуда взывшийся ветер выдул из-под туники тепло, залез под нее морозными щупальцами. И Лаотор бросился бежать вон из часовни.

Вслед несся хруст ломающихся льдинок.

Глава 4

– Руку!

– Чего?

– Р-руку, г-говорю, давай! – заорал Фрозинтар, теряя терпение. – Да не бойся, не съем я ее!

– Да-а. – Карадор попятился, пряча упомянутую конечность за спину. – Вот все вы так говорите! Сначала – руку, потом – сердце, потом – печень с прочим ли...

Устав ждать, наемник рванулся вверх, схватил болтуна за куртку и буквально упал спиной вперед в темный пролом. Падая, он задел локтем какой-то непрочно державшийся камень, и вслед за ними вниз с грохотом и гулом в облаках поднятой пыли рухнул весь каменный свод.

Не выпуская подстреленным зайцем верещавшего Карадора, Фрозинтар несколько раз перекатился по полу, а потом навалился на эльфа сверху, спиной и загривком защищая его от мелких камешков. По опыту он знал, что может выдержать и нечто большее, чем простой камнепад.

Вот и все. Шедшая за ними по пятам погоня должна непременно остановиться с противоположной стороны обвала, остаться в глубоком убеждении, что беглецы погребены под слоем земли и камней в подвале рухнувшего старого здания. М-да, слышал он, что в Ветхом городе многие здания держатся буквально на честном слове, но чтобы вот так, от неосторожного толчка локтем, развалиться... Впрочем, беглецам это было как раз на руку.

Под ним осторожно завозился Карадор. Вспомнив об элфе, Фрозинтар приподнялся на локтях, стряхивая с себя слой каменной крошки:

– Ты в п-порядке?

Тот некоторое время изучал лицо наемника.

– Знаешь, – задумчиво протянул, – а у тебя глаза красивые... И сам ты весь... такой...

Выпростав руку, Карадор убрал со лба наемника прядку волос, заправил ее за ухо и напоследок нежно мазнул пальцами по щеке.

– Тьфу ты! – Фрозинтара как подбросило. – П-прекрати свои пошлые намеки! Я... между прочим, я...

– Да знаю я, что ты не такой! – Карадор вскочил бодрым кузнечиком и принялся энергично отряхиваться. – Ты столько времени на мне лежал, а случаем так и не воспользовался! О, а где это мы?

В подвале разрушенного дома отнюдь не царил полный мрак – тут и там сквозь завалы камней пробивались тонкие нитяные лучики света, что для отлично видящих в темноте эльфов было достаточным, чтобы сориентироваться в пространстве. Впрочем, Фрозинтар вовсе не нуждался в дополнительном освещении. Сам же Карадор принялся вертеться из стороны в сторону, осматривая завалы и остаток подвала – несколько колонн, поддерживающих сводчатый потолок и уходящий куда-то коридор.

– Мы в п-подвале, – популярно объяснил наемник. – Нам, кажется, удалось сбить погоню с-со следа. Во всяком случае, у нас есть несколько часов, п-пока они разгребут завалы... Слышишь? Кажется, уже начали копать!

Сверху, усиленные эхом, доносились удары кирок и лопат, слышались голоса.

– Э-эй! – Подпрыгнув, Карадор замахал руками. – Мы здесь! Внизу! Я... ой!

Зарывав сквозь стиснутые челюсти, Фрозинтар схватил его за локоть и оттащил к стене, чувствительно приложив лопатками и встряхнув.

– Т-ты, – зарычал он, – п-п-придурик! Чт-то удумал? Они же за т-тобой охотятся! Н-на след их навести хочешь?

– Извини. – Эльф похлопал ресницами. – Я больше не буду.

– П-пошли отсюда. – Наемник сердито дернул его за руку, без колебаний нырнул в ближайший туннель.

Сложенный из плотно пригнанных друг к другу камней, тот вел их куда-то в глубь земли. Сначала он шел ровно, потом за поворотом попались крутые ступени, уходящие вниз. Время их пощадило – ступени были почти целыми, а вдоль стены сохранились даже остатки металлических перил. Тут уже стояла полная темнота, лишь наемник мог как-то в ней ориентироваться, и Карадор притих, двумя руками цепляясь за его кисть, как ребенок.

– Тебе не холодно? – поинтересовался он в один прекрасный момент.

– Нет.

– У тебя рука ледяная. Ты замерз? – Эльф начал торопливо растирать кисть наемника, время от времени заботливо дуя на нее.

– Н-нет. – Фрозинтар еле сдержался, чтобы не вырвать руку. – Я н-не чувствую холода... Погоди, кажется, пришли!

Выпустив его ладонь, Карадор протянул вперед обе руки, сделал шаг и наткнулся на стену.

– Тупик?

Лестница оканчивалась на небольшой площадке, откуда, судя по всему, не было выхода.

– С-стой на месте! – Наемник нашел его по голосу и придержал за плечо. – Кажется, тут есть тайный замок...

Присев на корточки, он стал тщательно ощупывать пол у самой стены. Рядом сопели, переминались с ноги на ногу, вздыхали, яростно чесали за ухом, а вдобавок ко всему чувствительно приложили коленом в плечо.

– С-стой спокойно! – шикнул наемник.

– Ой! Извини! Ты тут?

– Тут, тут...

– Я просто думал, что ты меня бросил... – Бывший наследник Аметистового Острова вздохнул, как маленький ребенок, и, присев на корточки, обнял своего спутника за плечи.

– Пусти! – дернулся тот. – Я, к-кажется, кое-что нашел...

Один из камней на ощупь оказался не таким, как соседние, и легко разломился, стоило чуть нажать. Небольшая пластинка осталась в руках и была отброшена в сторону, а тонкие пальцы погрузились в обнажившееся нутро, тщательно ощупывая содержимое. Та-ак... кажется, время пощадило древний механизм. Правда, непонятно, какой идиот расположил панель управления у самого пола – Фронзитару пришлось лечь на живот, чтобы удобнее было в ней копаться. Но, скорее всего, никто не думал, что ее будут вскрывать с этой стороны. Энергии, чтобы заставить его сработать, конечно, давно уже нет, но он-то сам на что?

– Ой, – пискнул Карадор, когда из пальца Фро стрельнула искорка, на миг озарив странное переплетение разноцветных нитей в полой нутре «камня». – А как это у тебя...

Он не договорил – послышался хруст и натужный скрип, а затем часть стены пришла в движение.

Наемник вскочил, схватив своего спутника за руку. Голова закружилась от резкого движения – он не рассчитал и отдал слишком много энергии, – но главное было другое. Древний механизм заработал, и тайный ход открылся.

Беглецы оказались стоящими на небольшой платформе, похожей на остатки разрушенного балкона, нависшего над чем-то вроде подземной улицы на высоте примерно в пять-шесть локтей. Темнота мешала разглядеть «улицу», но, присмотревшись, Фрозинтар внезапно понял, что может как-то ориентироваться!

– Н-нам туда, – дрогнувшим голосом сообщил он и спрыгнул вниз.

– Мама! – крикнул Карадор и свалился следом за спутником.

Для него тут было слишком темно, и он вцепился в запястье наемника всеми десятью пальцами.

– Где это мы? – Привыкшее к темноте острое эльфийское зрение позволяло рассмотреть лишь громаду какого-то здания, возле которого они и стояли. Все прочее растворилось в крошечном мраке.

– В старом Альмраале, – негромко произнес Фрозинтар. Его глуховатый невыразительный голос странным образом не создавал эха, а как бы растворялся в пространстве.

– Это в том самом, что ли?

– Угу. П-пошли.

– Куда? – Карадор тем не менее послушно затрусил за своим проводником.

– Я з-знаю, где выход на поверхность. Вернее, где он должен быть!

Эхо их шагов и дыхания гулко отдавалось от каменных стен и уносилось вдаль. Фрозинтар шел небыстро, но Карадор все равно то и дело спотыкался и почти повисал на наемнике.

– Тут слишком темно, – пожаловался он, споткнувшись в очередной раз и, чтобы не упасть, обхватил его за шею.

Тот покачал головой (вот послали Покровители спутника!) и поднял правую руку ладонью вверх. Над растопыренными пальцами вспыхнул оранжевый огонек, мигом разогнавший тьму по дальним углам. Сразу стали заметны старинные здания причудливой архитектуры – подобные им строения раньше молодой эльф видел только на картинках. Судя по всему, когда-то это была широкая улица – тут и там между домами сохранились окаменевшие остатки исполинских деревьев. От большинства остались лишь пни и корявые остовы, но размеры и толщина поражали воображение. Внутри некоторых деревьев можно было устроить небольшой летний коттеджик! Словно колонны сводчатый потолок, остатки старых зданий и остовы деревьев поддерживали верх пещеры.

Одно такое дерево как раз стояло в нескольких десятках шагов перед ними, в центре того, что много тысяч лет назад было городской площадью – дома тут расступались в стороны, а направо и налево убежали улицы, растворяясь в подземном мраке.

– Ух ты! – Карадор вертел головой, как ребенок, попавший в сказку. – А наверху не знают, что тут существует такая красота!

– Знают, – поджал губы Фрозинтар. – Или д-догадываются... Иначе не оставили бы Ветхий город из опасения, что однажды м-мостовые могут просто п-провалиться! Пошли!

Он дернул своего спутника и направился на боковую улицу.

За прошедшие века тут ничего не изменилось – в том смысле, что он был абсолютно уверен до самого последнего момента: идет правильно. Частокол витых колонн тоже не претерпел изменений, как и скрывавшийся за ним фасад здания – совсем скромного по сравнению с теми полуразрушенными колоссами, которые высились справа и слева.

Здесь пришлось повозиться, пытаясь заставить работать древний механизм входа – те, кто выходили из здания последними, сделали все, чтобы никто больше не переступил его порог. Нет, можно было опять ударить чистым разрядом, но силы оказались на исходе. Магический огонек, который оранжевой бабочкой реял над плечом, существенно сократил запасы энергии.

– Не получается? – сочувственно поинтересовался некоторое время топтавшийся рядом Карадор. – А если через окно?

Он ткнул пальцем куда-то вверх. В стене на высоте в полтора эльфийских роста обнаружился пролом – все-таки время поработало над зданием. Оно же оставило достаточно трещин и выбоин, чтобы оба путешественника сумели легко одолеть подъем. Огонек влетел

следом и, не дожидаясь мысленного приказа, устремился вдаль, полетел над горами обломков, каменной крошки и трухи, в которую превратилась внутренняя обстановка.

Невольно напрягшись и сжав кулаки, Фрозинтар пошел за ним. Тревожное предчувствие шевельнулось в груди, когда он увидел царивший в передней разгром, и наемник был почти благодарен Карадору, который опять вцепился ему в кисть, стиснув ее так, что затрещали кости.

Чем дальше от входа, тем больше становились завалы, так что последние несколько саженей пришлось чуть ли не карабкаться по ним, с трудом находя, куда поставить ногу, и едва ли не ползком перебираясь через нагромождения камней. В одном месте потолок второго этажа рухнул, и все, что находилось наверху, валялось грудой полуистлевших обломков. Изоляция от внешнего мира с его тальми водами, ветрами, перепадами температур и бактериями надежно законсервировала окружающее, но все равно разрушения были чудовищными.

Однако то, что они увидели за последней дверью, превосходило все самые изощренные фантазии.

Тут не было ничего – в том смысле, что еще много веков назад все находившиеся тут предметы были тщательно разломаны, разбиты, раздавлены, а потом еще и сожжены, о чем свидетельствовали пятна гари на стенах и слежавшийся в камень толстый слой пепла и углей. Магический огонек рванулся было к дальней стене, но вернулся и завис над головами, трепещущая и мигая, словно он был живым и мог чувствовать страх.

– С-св-волочи...

Остальные слова застряли в глотке, вырвавшись наружу сдавленным рычанием.

– Это был твой дом? – вылез неугомонный Карадор.

– Эт-т... эт-то была моя л-лаборатория, – с трудом выговорил Фрозинтар. – Ск-коты! Д-дикари... Т-т-тупые ид-диоты... Они уничтожили все! Н-нн-н-н... н-ненавижу!

Вспышка ярости дорого ему обошлась. Перед глазами все закружилось, и он осел на пол. Магический огонек последний раз мигнул и погас, окончательно погрузив мир во тьму.

– Ну, было бы из-за чего переживать! Подумаешь, разгромили! Вот, помнится, как был недоволен дедушка, когда я пробрался тайком в его кабинет! У-у! Надо было видеть! Я у него зачарованный меч искал – мне сказали, что в молодости дед совершил массу подвигов, побывал в дальних странах и вообще был самым крутым после короля Моррира!⁸ Вот я и подумал, что у него должны остаться какие-то вещички на память – ну, зачарованный меч, какие-нибудь амулеты, всякие сувениры, черепа таинственных монстров над каминной полкой, старинные книги, карты, обозначающие, где закопаны сокровища, и все такое прочее... И знаешь, я ведь действительно нашел какие-то старые пергаменты в одном сундуке! Только меня застукали прежде, чем я их успел прочитать. Ох, и влетело мне, когда поймали! Дедушка орал как резаный! А я всего лишь какую-то колбочку разбил. Ой, она воняла... На эту вонь все и сбежались. А я...

Пришел в себя Фрозинтар под это бормотание.

Он лежал на полу, а затылок на чем-то покоился. Не сразу наемник сообразил, что это колени его спутника и тот, болтая, задумчиво перебирает пряди волос у него на голове, накручивая одну из них на палец. Боли наемник не ощущал, но сама мысль о том, что «объект» столь вольно обращается с ним, окончательно привела его в чувство. Он качнул головой, высвобождая пряди из чужих пальцев.

⁸ Моррир – король-маг древности. Правил всего триста лет, после чего оставил престол своему сыну и отправился в странствие по свету, совершать подвиги. О его похождениях эльфийскими историками было написано больше дюжины книг.

– Ой, ты очнулся? – радостно взвизгнули над головой и принялись тормошить, трепать, дергать за уши и вообще демонстрировать бурную радость.

– П-пусти. – Наемник попытался сесть.

– Может, тебе лучше полежать? – Его цепко схватили за плечи. – Ты в обморок упал...

Я понимаю, увидеть такое – никакие нервы не выдержат...

– Н-нет у меня нервов, – огрызнулся Фрозинтар. – Просто энергия на исходе.

Он и в самом деле чувствовал себя разбитым и измотанным. Требовалось срочно пополнить запасы сил, иначе можно было запросто свалиться на полпути.

– Я н-надеялся, – цепляясь руками за стену, он все-таки выпрямился, от души радуясь, что во мраке собеседник не видит его лица, – что здесь осталось кое-какое мое оборудование. Я з-знал, что лабораторию опечатали, и думал, что с-смогу собрать какой-никакой Портал, чтобы нам убраться отсюда подальше. Но, видимо, придется искать д-другой путь...

Нет, наемник прекрасно ориентировался в городе, где прожил почти всю свою взрослую жизнь, наивным подростком приехав на свой страх и риск поступать в Академию. Отец Тариель был ее пожизненным ректором, и Фрозинтар долгое время пребывал в уверенности, что тот относится к будущему зятю благосклонно. Он же был лучшим студентом на всем потоке, лучшим выпускником за последнее столетие! Ему единственному выделили персональную лабораторию еще до защиты диплома и разрешили потом заниматься исследованиями чуть ли не на дому! Кто же знал, что все закончится так?

– Мы чего тут, типа заперты навсегда и все такое? – нарушил течение его мыслей голос Карадора. – Не, я так не согласен! Вытаскивай меня отсюда!

– Как? – устало огрызнулся Фрозинтар, имея в виду то, что до выхода он может и не дойти.

– Что? – Тут же эхом откликнулся бывший наследник Наместника. – Ты не знаешь, где здесь выход? Ой, мама! Мы похоронены заживо!.. Спасите! – заорал он, размахивая руками так, что случайно огрел наемника по уху. – Па-ма-ги-ге! Я тут! Вытащите меня кто-нибудь отсюда! Я не хочу умирать! Я еще слишком молод, чтобы умирать! Я тут задохнусь! У меня начинается клаустрофобия! Аа-а-а-а!

Вереща так, что эхо родилось даже на улице, он заметался по комнате, и Фрозинтар с некоторой долей радости и страха понял, что кое-что все-таки устояло перед тройной атакой бригады разрушителей, огня и времени. Чем иначе объяснить треск, грохот, хруст и звон разбиваемого стекла, сопровождавшие каждое движение неугомонного эльфа?

– Стой! – крикнул он.

– А?

– Иди сюда!

Карадор ринулся бежать и, судя по грохоту и снопу искр, врезался лбом в стену:

– Ой, ё...

– Иди на г-голос, – устало промолвил наемник, прислоняясь спиной к стене. – Просто н-не спеши и иди на мой голос. Вот так... Хорошо! Я слышу шорох твоих шагов, ты движешься в п-правильном направлении, все нормально... Только не надо б-больше орать и совершать резкие движения...

Продолжая говорить, он дождался, пока Карадор подойдет вплотную, и, почувствовав его сопение совсем рядом, резко выбросил руку, схватил спутника за плечо и подтащил к себе.

– Ай! – только и успел пискнуть тот, но наемник уже нашупал энергетическую точку и буквально впился в нее.

– Мм-м-м-м-м! – отчаянно замычал эльф, упиравшись в грудь Фрозинтара обеими руками. – Маньяк! Скотина! А говорил... говорил... пошлые намеки... А я...

Голос его прервался, если бы наемник не придерживал его за плечи, он бы упал.

Пристроив сомлевшего эльфа у стены, Фрозинтар прислушался к своим ощущениям. Ему очень редко приходилось пользоваться жизненной энергией мужчин именно потому, что добывать ее он мог лишь одним способом – одинаковым для обоих полов, а в этом вопросе наемник был достаточно щепетилен. Всякий раз ему приходилось переступить через себя, и если бы не отчаянное положение, он бы никогда не пошел на такое.

– Противный! – вдруг громко и четко сказал Карадор.

– Что? – От неожиданности Фрозинтар даже подпрыгнул. Он высосал столько сил у своего спутника, что тот должен был валяться в отключке еще минут десять, если не больше. Мощные, однако, у него резервы...

– Говорю – ты противный! И мне это совсем не понравилось, так и знай!

– З-знаешь, мне тоже! Но зато теперь мы м-можем двигаться дальше!

– Ура! – воскликнул Карадор и тут же вскочил, повергнув своего спутника в еще большее замешательство. Ну не может эльф, у которого он забрал больше половины жизненной силы, так энергично двигаться! Или все дело в блоке, который кто-то давным-давно поставил в его разуме? Словно плотина, перегораживающая ручеек, он стоял на пути потоков внутренней энергии бывшего наследника Наместника, и постепенно за этой «стеной» образовалось такое энергохранилище, что ой-ой-ой! Но кому и зачем понадобилось превращать парня – то есть когда-то еще новорожденного младенца – в ходячую магическую кладовую?

«А не здесь ли скрыта причина, по которой кое-кто оч-чень желает видеть племянника Наместника мертвым?» – мелькнуло в голове Фрозинтара, но наемник отогнал непрошенные сомнения. В конце концов, ему-то что за дело? Он только выполняет свою работу! Ему за нее заплатили, а окончательный расчет полностью примирит его с совестью.

– Д-давай руку, – наемник протянул в темноту ладонь. – Пошли.

Магический огонек оранжевой бабочкой – даже крылышки появились, – летел чуть впереди, освещая развалины. Из старой, подземной части бывшего Альмраала они давно уже вышли и двигались туда, куда вел их извилистый туннель. Стены его были укреплены прямоугольными блоками, на которых, наверное, когда-то нанесли рисунок – отдельные неровности и шероховатости свидетельствовали об этом, – но время не пощадило ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.